

О. ОЛЕКСАНДРОВ

Перехідна економіка, як предмет економічної теорії

(Кінець *)

Отже, на підставі наведених методологічних принципів можливо збудувати абстрактну модель перехідної економіки.

Модель ця може бути різна, залежно від способу прикладання цих принципів до своєрідного змісту дослідження.

Тов. Брудний будує таку модель: „Абстрактное определение этого хозяйства (переходного хозяйства О. А.) — социалистический тип общественных отношений... Поскольку у нас в стране встречаются явления чисто товарно-капиталистического порядка, нет надобности в этом случае в специальном исследовании. Здесь целиком применимы марксовы законы экономики. Товарно-капиталистические явления представляют предмет исследования теории советского хозяйства лишь в той мере, в какой эти явления модифицируются социалистическим строительством. Здесь мы получаем дополнительное доказательство того, что в основу теории советского хозяйства следует положить изучение социалистического типа производственных отношений, как господствующего по своему удельному весу, по своей исторической тенденции во всем советском хозяйстве“. (Большевик 11 1928 р., стор. 80).

У цій концепції теорії радянського господарства, нехай вона й принадна, маємо однаке такі абстракції, які затушковують якісну характеристику системи; це, звичайно, загрожує знижити усю теорію радянської економіки в її якісній специфічності.

За такою концепцією абстрактний тип нашого господарства є тип соціалістичних продукційних відносин, тобто, теоретична аналіза має дати вивершену систему категорій та означень, якими годен відтворити конкретне — тип соціалістичних відносин — як одність у різностатності. Збудувавши оцю модель і наблизившись до конкретної „дійсності“, на авторову думку, постає ряд поважних корективів, що відмінюють картину, саме залишки товарово-капіталістичного порядку; при цьому, до них „целиком применимы марксовы законы экономики“ і вони правлять за предмет дослідження лише, як вони модифікуються переможним соціалістичним будівництвом. Отак ставить проблему т. Брудний. Хоч автор обіцяє нам конкретизувати свою теорію на підставі конкретної аналізи регулятора радянського господарства, ми все таки з наведених теоретичних узагальнень вважаємо за можливе висновити: автор власне не дає об'єкта теорії перехідного господарства та чимало тверджень схожі на твердження Преображенського:

*) Див. „Господарство України“ № 7 — 8.

„Наше советское хозяйство делится на государственное и частное. Государственному хозяйству присущи свои закономерности в развитии, частному — свои. Но то и другое входит в единый организм всего хозяйственного союза в целом. Для теоретического анализа методологически необходимо рассмотреть отдельно и те и другие закономерности, а потом уже объяснять, как получается равнодействующая реальной жизни. Но рассматривать тенденции развития государственного хозяйства необходимо в их чистом виде, т.е. проанализировать их так, как если бы развитие государственного хозяйства шло, не встречая сопротивления частного хозяйства, — рассматривать закономерность оптимума. Это есть единственный правильный метод, унаследованный нами от Маркса“ (Преображенский „Новая экономика“ 1926 р., стор. 210 — 211).

В теоретичній концепції Преображенського вилучення держгосподарства або, в іншому місці, соціалістичного в його чистому вигляді, щоб дати теоретичну аналізу — це єдино слухний Марксовий метод. Висвітливши закономірності соціалістичних продукційних відносин, треба потім досліджувати закономірності приватного господарства, а відтак вже слід з'ясувати закономірності усенької системи. Щодо приватної господарності той тут за Преображенським придатні Марксові закони політичної економії. Рівнодійна системи — вислід боротьби 2 регуляторів. Отож, з становища методології, бачимо, що тов. Брудний запозичив свої чираз критиковані твердження саме в тов. Преображенського. Твердження ці неправдиві не тільки тому, що годі дати, як абстрактну модель, тільки соціалістичний тип відносин, а й тому, що годі дати приватне господарство за Преображенським, або явища товарово-капіталістичного порядку за Брудним, як єдиний комплекс, — їх слід дати в одрубному виді як просте товарове й капіталістичне господарство. Дарма, що вихідні методологічні засади в аналізі перехідної економіки цілком одмінні для авторів „Очерков переходной экономики“, ми суттю маємо туж якісну характеристику й в Брудного й в Преображенського. „Переходное хозяйство представляет собой не механическую смесь, а химическое соединение элементов прошлого и будущего в их определенном сочетании... Те элементы гетерогенно-стихийного типа, которые имеют место в переходном хозяйстве, носят на своем челе отчетливую печать своего товарно-капиталистического происхождения и природы“ (Леонтьев и Хмельницкая „Очерки переходной экономики“ стор. 80 — 81).

Преображенський трактує перехідну економіку, як соціалістичну систему тільки в оточенні приватної товарової продукції; в зв'язку з тим він і побудував свій славнозвісний закон перевісного соціалістичного нагромадження. Преображенського виклад просто таки послідовніший за виклад Брудного, бо він прямо вважає перехідну добу за першу фазу комунізму, трактує її як перший період соціалістичного суспільства. „Первая фаза коммунистического общества это — тот самый период, который в другом месте Маркс называет периодом революционного преобразования капиталистического общества в коммунистическое, периодом, когда государство не может быть ничем иным, кроме революционной диктатуры пролетариата. Иными словами, первая фаза это есть социализм, система общества, когда еще не ликвидировано классовое деление общества, хотя ликвидированы в основном эксплуататорские классы, когда именно поэтому еще существует государство, когда и на системе распределения еще зияет родимое пятно капиталистического строя“ (Вестник Ком. Академии, № 12, стор. 67).

З наведеного формулювання Преображенського ми бачимо, що він розглядає перехідну добу, як синонім соціалізму, тобто, у нього нема, як у Леніна й Маркса, осібної історичної доби з питомими їй типічними

властивостями: чи дивно, що йому соціалістичне суспільство — суспільство ще не безкласове, й тимто йому потрібна лише диктатура пролетаріату. Згадаймо, що з приводу цього писав Маркс у своїй критиці Готської програми, коли він чітко вирізняв добу перехідну, добу соціалізму, і добу комунізму.

Ленін також поділяв ці Марксові погляди, коли він підкреслював: „не было еще такого человека, который, задаваясь вопросом об экономике России, отрицал бы переходной характер этой экономики. Ни один коммунист не отрицал и того, что выражение „Социалистическая Советская Республика“ означает решимость соввласти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание данных экономических порядков социалистическим“ (Ленін, том XVIII, част. I, стор. 88). „Но научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал первой или низшей фазой коммунистического общества; поскольку общей собственностью становятся средства производства, постольку слово „коммунизм“ и тут применимо, если не забывать, что это неполный коммунизм“ (том XIV, част. II, стор. 377 1921 р.). Щодо самого закону первісного соціалістичного нагромадження Преображенського, то вважаємо, що автор закону угледів на поверхні нашої економічної дійсності явища „ножиць“, які неконечні, непитомі нашій перехідній економіці; замість конкретно проаналізувати причини „ножиць“, він оце нетипічне підніс на рівень провідного закону перехідної доби.

Найкращу й послідовну марксівську критику концепції Преображенського дав, як відомо, тов. Бухарин. Т. Бухарин не тільки критикував, але й позитивно сформулював свою абстрактну модель перехідної економіки. Саме ця модель — це одність соціалістичного та простого товарного господарства, що її безпосередньо ускладняє співіснування приватного капіталу. „Для теории переходного периода наиболее абстрактной постановкой вопроса может быть только такая постановка, которая предполагает госпромышленность и простое товарное хозяйство крестьян. От этих „третьих лиц“ отвлекаться нельзя, ибо проблема переходного периода, как такого, становится бессмысленной вне этого соотношения. Наконец, более конкретная ступень абстрактного анализа предполагает „осложняющий момент“ — частного капитала. Таким образом, мы имеем разные формы действия закона трудовых затрат: и как закона трудовых затрат, и как закона ценности, и как закона производственных цен... которые в своем сплетении дают своеобразный результат и своеобразную закономерность“ (Бухарин „К вопросу о закономерностях переходного периода“ 1928, стор. 52 — 52). Тут Бухарин методологічно слушно ставить питання, хоч його не вивершує. А втім, ми не ладні пристати на Бухаринове формулювання закону трудових витрат, як це він робить у згаданій брошурі. Він бо говорить „в товарном хозяйстве закон трудовых затрат надевает на себя фетишистический наряд или греховное белье закона ценности“, а в социалистическом хозяйстве он его сбрасывает и остается голеньким... Таким образом, закон трудовых затрат — голенький или в костюме — оказывается обязательным и универсальным регулятором хозяйственной жизни“ (там же стор. 37). Ми таки гадаємо, що як з наведеної Марксової цитати закон трудових витрат є „естественный закон“, то цей закон в жодній суспільній формації не може бути голеньким, бо сам по собі цей закон — закон природи — природно неминучий. В усіх суспільних формаціях він виявляється або в раціональній формі або в ірраціональній, та ніколи не буває голенький. Ірраціонально виявляється — це означає: одягається у фетишистський костюм, раціонально: коли його скидає

зі себе й замість гріховного одягу натягає на себе плянову прозору оболонку.

Ми гадаємо, що тов. Бухарин не досить чітко відокремлює у цьому питанні двох трактувань про форму та зміст. Маркс якраз чітко це відокремлював. Перша суть в тому, щоб висвітлити взаємини між матеріально-технічним процесом продукції і його суспільною формою в кожну історичну добу. Що історично перетворюються суспільні форми через зростання витворчих сил, то в цьому вбачаємо діалектичний закон взаємодії форми й змісту — системи продукційних відносин і певного рівня продуктивних сил. Тут саме й виявляється (це ми вгорі довели) природно-технічна конечність. Щодо неорганізованих суспільних формацій, вони позначаються не тільки на одмінний матеріальний процес продукції від його суспільної форми; за Марксом їм питома іще одміна між даною суспільною формою і формою її прояву. Тут саме за об'єкт аналізу править осібна, історично спричинена суспільна форма або певна система продукційних відносин, де продукт праці людей царює над суспільством і де стихійні суспільні закони дають наче природні закони. „Ми знаємо тепер субстанцію вартости: це — праця. Ми знаємо мірило її величини: це — робітничий час. Треба ще проаналізувати її форму, яка саме і надає вартості мінового характеру“ (Капітал, том I, стор. 5). У цій цитаті підкреслено працю — як зміст, вартість — як її форму. Потім, Маркс бере вартість, як зміст, аналізує ті форми, в яких проявляється вартість, і майстерно виявляє діалектичний процес переростання одної в другу, трактуючи їх як одність у різностатності; потім Маркс висвітлює специфічну визначеність кожної даної форми, яка її спричиняє, змальовує її функцію, як реалізацію скритих в неї сил, як саме вона переростає в іншу, і нарешті розглядає усі ці форми й суті трудової субстанції і її специфічної соціально-історичної форми, виносить закон вартости в Марксовім методі досліджувати капіталістичне суспільство на рівень справжнього закону руху капіталізму; розкриває він рух праці в капіталістичній системі у виді ряду притьмарних ірраціональних економічних категорій, що убирають рух цей у фетишистський костюм, і тільки на підставі Марксового методу годен виявити цей зміст під його фетишистською оболонкою. „Оцей фетишистський характер товарового світу счиняє, як це довела попередня аналіза, своєрідний суспільний характер праці, яка продукує товари“ (Капітал, том I, стор. 32).

Оця двоїста характеристика форми й змісту щодо неорганізованих систем — і є підстава, на якій Маркс виявив двоїстий характер праці. „Я перший критично довів цю двоїсту природу вміщеної в товарах праці“ (там же стор. 6). З наведеного видно, що стихійні суспільні закони неорганізованих систем панують над суспільством і навіть наукове їх відкриття не нищить їх, як реальне буття, воно тільки досліджує їхній зміст. У таких системах і виявляється суспільна економічна конечність. І лише діалектична заміна одної системи іншою — з регіональною формою поділу праці нищить і ці історично спричинені стихійні суспільні закони і згадану вже суспільно-економічну конечність.

Для кожної з цих неорганізованих систем потрібна спеціальна економічна теорія. Щодо організованих систем, то тут, як це вже ми зазначили, досить на ґрунті Марксового генетичного й соціологічного методу історично описової форми дослідження кожної з них.

Безперечно річ, що пізнавши в цих системах закони природно-технічної конечности, ще від цього таки не зникає дії цих законів, тобто, хоч як раціонально складений план — він не падає з неба, а відповідно детермінується. Але в цих системах перестають панувати над людьми стихійні суспільні закони. Тепер постає питання: чи в системі продук-

ційних відносин перехідного суспільства зовсім не діють вищенаведені суспільні закони, чи детермінує її тільки природно-технічна конечність, чи цю останню опосереднює механізм суспільно економічної конечності? Загальна відповідь може бути така: у ній стихійні сили іде дещо панують, і в цьому її якісна одміна. У ній співіснують раціональне й ірраціональне як одність протилежностей, що полягає в її якісно окреслених продукційній структурі; і тому постає задача теоретично систему цю аналізувати так, щоб висвітлити основний закон руху системи, на підставі якого вона розвивається і в своєму „самодвиженні“, „спонтанейном“ розвитку діалектично перетворюється у свою протилежність. Аналізувати структуру перехідної економіки і будувати її абстрактну модель треба на підставі аналізу системи зв'язків і відносин, яка рухає перехідне господарство до соціалізму.

Висвітлюючи основні елементи моделі перехідної доби на ґрунті наведених у горі методологічних принципів, ми насамперед повинні підкреслити, що вже Ленін дав у своїх геніальних працях послідовну соціологічну аналізу усенької системи радянського господарства, як цілком нової й одмінної суспільної формації. Оцю Ленінову аналізу ми й засновуємо у нашій конструкції абстрактної моделі. Ленін власне змалював перехідну економіку і перерахував основні у ній елементи різних суспільних формацій: „1) Патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство; 2) Мелко-товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб); 3) Частно-хозяйственный капитализм; 4) Государственный капитализм; 5) Социализм. Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономических укладов переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом. Спрашивается, какие-же элементы преобладают? Ясное дело, что в мелко-крестьянской среде преобладает, и не может не преобладать, мелко-буржуазная стихия; большинство, и громадное большинство, земледельцев — мелкие товарные производители“ (Ленін, том XVIII, част. 1-а, стор. 188). Оце й є розгорнута соціологічна Ленінова аналіз нашої господарської системи, що її характерні прикмети є і в світовому теперішньому господарстві. У цій п'ятичленній схемі ми маємо поряд найпоступовішого укладу сучасності (соціалізм)—елементи старовинних господарських укладів (патріархальне господарство). 1-й уклад—це кочівне скотарське господарство і ті селянські господарства, де переважають натуральні елементи. Та як виміряти ці господарства проймає, вона їх революційно, і цей уклад стає резервом до другого наступного укладу. Другий уклад це основна маса селянських господарств, ремісників і кустарів, їхнє господарство стає товарним і ринок править за форму економічного зв'язку; при цьому кожне з цих господарств, не експлуатуючи чужої праці, одночасно є за трударя й власника засобів продукції. Цим двом укладам питома надто відстала матеріально-технічна база. А втім, цей дрібно-товарний тип продукційних відносин переважає в нашій країні й охоплює переважно сільське господарство. Третій уклад—дрібна приватна капіталістична промисловість, приватна торгівля, з найманою працею селянські господарства, і ті галузі кустарної промисловости, де фактично кустаря поневолює торговельно-лихварський приватний капітал; ця промисловість набуває характеру хатньої системи капіталістичної промисловости. Хоч питома вага цього типу продукційних відносин невеличка, та все таки він править за одну з основних сил, що гальмують будівництво соціалізму, бо він має коріння для свого зросту в другому згаданому укладі; йому питома досконаліша проти другого укладу матеріально-технічна база. Четвертий уклад охоплює переважно змішані акційні підприємства,

підприємства віддані державою в оренду й концесію та цілісінку систему заходів пролетарської держави, що підпорядковує, обмежує і спрямовує капіталістичні елементи в річище державного контролю. Цей тип продукційних відносин найменш поширений в нашому народньому господарстві, бо невеличка питома вага концесій, орендних підприємств, змішаних товариств у національному доході, в занятій робочій силі, а також в основних фондах народнього господарства. П'ятий уклад — націоналізована велика промисловість, націоналізований транспорт і кредит, монополія зовнішньої торгівлі, державна внутрішня торгівля, державні фінанси, кооперативні, виробничі і торговельні підприємства. Цей тип продукційних відносин відіграє в нашій системі провідну роль, бо ж йому питома у нашій країні найкраща, вивершена матеріально-технічна база, а в загальній системі увесь комплекс підприємств цього укладу є вирішальний; на підставі цього й можливо керувати усім народнім господарством та його перетворенням в єдину соціалістичну систему. Крім цього, треба відзначити диктатуру пролетаріату з апаратом державних господарських, пляново-регулятивних органів, які є не тільки підвалиною соціалістичного будівництва, але й є елементом соціалізму, тобто висвітлюваного п'ятого укладу. „У рабочих в руках власть в государстве, у них полнейшая юридическая возможность взять всю тысячу, т. е. копейки не отдать без социалистического назначения. Эта юридическая возможность, опирающаяся на фактический переход власти к рабочим, есть элемент социализма“ (Ленин том XVIII ч. I стр. 190). Коли краще приглянутись до п'ятичленної Ленінової формули, то бачимо, що її можна звести до трьохчленної формули, а саме: соціалізм, дрібно-товарова продукція, і капіталізм; при цьому, перший уклад має командні економічні висоти, в тому числі велику промисловість; другий уклад містить у собі сільське господарство і дрібну кустарно-ремісничу промисловість; в третьому укладі скупчена торгівля, невеличка частина дрібної промисловості й сільського господарства, де експлуатують найману працю. Носієм першого укладу з'являється робітнича кляса; другого укладу — дрібний товаропроductент, передусім незаможницько-середняцька селянська маса; третього укладу — нова буржуазія міста й села. Теоретично звести до трьохчленної формули цілком можливо, бо це не нищить якісної однієї системи. Тепер постає питання, як саме можна вишукати у цій трьохчленній формулі однієї протилежностей, щоб з неї можна було теоретично висвітлити розвиток цієї системи, як роздвоєння єдиного і боротьбу протилежностей. Друге питання, як ми аналізуємо цілком конкретну країну - СРСР — чи взагалі відбиватиме наш абстрактний тип якісну однієї перехідної економіки, чи ні?

Спершу спробуємо відповісти на друге питання, зв'язане з загальною Леніновою оцінкою сучасного капіталізму і нашого радянського економічного ладу. Теоретично припустимо такі взаємини клясових сил у період боротьби за диктатуру пролетаріату, і за переможної диктатури пролетаріату, а саме: припустимо чисте капіталістичне суспільство, як вихідний пункт до нашої аналізи. У такій системі ми мали б двох-класове з робітників і селян - суспільство. В такому суспільстві усе господарство було б системою великої машинної продукції, що цілком питома капіталізму. В такому суспільстві, перемігши та встановивши свою диктатуру — пролетаріат, другогож дня після перемоги, міг би націоналізувати усі засоби продукції і тим знищити клясу капіталістів. По націоналізації засобів продукції усе суспільне господарство було б в руках одної кляси — пролетаріату. Перша стадія цієї диктатури це організація збройної боротьби пролетаріату „против побежденной но не уничтоженной, не переставшей оказывать сопротивление, против усилившей

свое сопротивление буржуазии". Господарська система пережила б добу руїнації продуктивних сил (витрати революції). Стадія ця — неминуха, бо годі сподіватися, що буржуазія доброхітно пристане на диктатуру пролетаріату й не використає усіх своїх можливостей вперто боротися супроти диктатури за поновлення буржуазного ладу. Сама організаційна форма цієї доби була б схожа на систему воєнного комунізму нашої країни періоду громадянської війни 1918 - 1921 р. Наступна стадія диктатури пролетаріату другого дня по остаточній перемозі пролетаріатом буржуазії це був би безпосередній перехід до соціалізму, бо тоді остаточно були б знищені класи й всі засоби продукції було би усупільнено. У цій стадії можна було б безпосередньо здійснювати соціалізм, і тим самим було би підготовлено всі умови для відмирання держави і в тому числі диктатури пролетаріату. Отже, у нашому гіпотетичному прикладі перехідна економіка своєю структурою мала б характер воєнно - комуністичного суспільства та ніяк не була б схожа на ту перехідну економіку, що утворилася тепер у СРСР. Але цей приклад — гіпотетичний; в дійсності ми знаємо, що немає ніякого чистого капіталістичного суспільства, через що воєнний комунізм і не може бути нормальним характерним типом для перехідної економіки. В усіх сучасних капіталістичних країнах залишилось чимало докапіталістичних господарських форм, навіть в центрах капіталістичного світового господарства. А переживана теперішня епоха — це епоха монополістичного капіталізму і пролетарських революцій.

За Леніном пролетарська революція не є щось далеке майбутнє, вона вже тепер дійсно існує і стала реальним фактом сучасності. Геніальна Ленінова аналіза має силу і для теперішнього переживаного нами третього етапу повоєнного капіталізму, дарма що забарно розгортається світова пролетарська революція, що її початок поклала Велика Жовтнева Революція. В даному зв'язку бачимо, що смуга пролетарських революцій почалась, і перед пролетаріатом кожної країни історія висунула задачу революційною боротьбою знищити капіталізм, дарма що там збереглися чималі залишки докапіталістичних формацій. Тимто, ми вважаємо за можливе підкреслити якісну одміну радянської економіки, як загального типу перехідної економіки, нехай вона і має ряд особливостей сполучених з конкретним історичним розвитком дореволюційної Росії. „В России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами, вследствие очень большой отсталости и мелкобуржуазности нашей страны. Но основные силы — и основные формы общественного хозяйства — в России те же, как и в любой капиталистической стране, так что особенности эти во всяком случае не могут касаться самого главного. Эти основные формы общественного хозяйства: капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм. Эти основные силы: буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат“. (Ленін, Том XVI, стор. 348). З наведеної цитати бачимо, що розгорнута Ленінова п'ятичленна схема зведена до трьохчленної. Вона виявляє вельми типічні, найбільш питомі особливості перехідної економіки, вона яскраво змальовує характерний конкретний тип перехідної економіки усякої країни.

Та це ще не є собі кінець процесу побудови абстрактної моделі. Крім угорінаведеної розгорнутої п'ятичленної формули й більш стислої трьохчленної формули, Ленін, аналізуючи радянський господарський лад, залишив нам методологічні засади збудувати абстрактну модель перехідної економіки для того високого щабля абстрактної аналізи перехідної економіки, що з неї й можна виявити внутрішній механізм руху перехідної економіки в зовсім ідеальних, абстрактних обставинах. „В нашей совет-

ської республіке соціальний стрій оснований на співробітництві двох класів: робочих і крістьян, к которому тепер допущены на известных условиях и непманы, т-е. буржуазия". (Ленін, том XVIII, част. II-а, стор. 115). „Главным вопросом для нас остается — и в течение долгого ряда лет неминуемо останется — правильное установление отношения между этими двумя классами, правильное с точки зрения уничтожения классов... Под соглашением между рабочим классом и крестьянством можно понимать что угодно, если иметь в виду, что соглашение с точки зрения рабочего класса является допустимым, правильным и принципиально возможным, лишь когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направляемых к уничтожению классов" (том XVIII, част. I-а, стор. 237). У цій теоретичній аналізі нашого радянського ладу дано його характеристику як ладу, оснований на співробітництві 2-х клас, при чім саме це співробітництво спричиняють тривалі класові інтереси пролетаріату, а саме: додержуючи 2-х обставин — підтримуючи диктатуру робітничої класи та забезпечуючи реалізацію заходів до знищення клас. Якщо пристати на згадане тлумачення Ленінової соціологічної аналізи нашої економіки, — а інакше цю аналізу годі тлумачити, — тоді маємо такі два щаблі в аналізі перехідної економіки. 1-й щабель, найабстрактніший, коли аналізуємо двохкласове суспільство, що його характеризує своєрідний тип продукційних відносин, цілком одмінних од продукційних відносин двухкласового суспільства попередніх експлуататорських суспільних формацій. У цих суспільних формаціях (рабовласницькій, феодальній, капіталістичній) переважають відносини панування й підлеглости, гнобить одна класа іншу, експлуататорська класа привласнює собі продукований гнобленою класою додатковий продукт через ріжну їхню ролю в системі суспільної продукції; у цій суспільній формації (перехідне суспільство) ми маємо керівництво й співробітництво, спільну участь своїм додатковим продуктом у соціалістичнім нагромадженні, спільну участь своєю додатковою працею в реалізації своїх провідних, загальних, тривалих, історичних інтересів, тобто у побудуванні безкласового соціалістичного суспільства.

В цьому саме ґрунтовне значення керівництва робітничої класи цим співробітництвом, уміти сполучати приватні, тимчасові інтереси свого співника з загальними тривалими інтересами, уміти підпорядковувати приватні інтереси колективним, тобто знищити класи і збудувати соціалістичне суспільство, уміти розподілити між класами нестатки зв'язані з перехідною добою, коли робітнича класа здійснює основні завдання, що їх висунула історія.

В третьому томі „Капіталу“ на цю тему, хоч в іншому зв'язку, Маркс писав ось що: „Прибавочный труд вообще, как труд данного количества потребностей, всегда будет существовать. Но при капиталистической, как и при рабской системе и т. п., он имеет антагонистическую форму и дополняется полной праздностью известной части общества. Определенное количество прибавочного труда требуется и в качестве страхования против случайностей, вследствие необходимого, соответствующего развитию потребностей и прогрессу населения, постоянного расширения процесса воспроизводства, что с капиталистической точки зрения называется накоплением". (Капітал том III част. 2-га, стор. 290, 1928 р.). В системі двухкласового суспільства перехідної економіки обі класи є продуктивні і жодна з них не живиться з додаткової праці іншої класи, щоб не брати участі в продукційній діяльності та розкошувати. В такому разі, в абстрактному двухкласовому суспільстві перехідної економіки експлуатації нема. (Тут ми констатуємо, що тип

продукційних відносин у перехідній економіці, це „выражение условий, в которых может реализоваться развившаяся конкретность“ — соціалізм). Одмінно від соціалістичної економіки перехідна економіка позначається саме на те, що за соціалістичної системи асоційовані продуценти прямо й безпосередньо беруть участь своєю додатковою працею в процесі нагромадження, щоб постійно поширювати процес репродукції; а в перехідному суспільстві робітничого класу — колективний власник засобів продукції — також прямо й безпосередньо бере участь своєю додатковою працею в процесі соціалістичного нагромадження, маючи собі до того за спільника трудове селянство, як переважно індивідуального власника засобів продукції за націоналізованої землі, бере участь прямо й безпосередньо у переході до колективних форм господарювання, *посередньо* — за тимчасової індивідуальної форми господарювання, де додатковий продукт поділено на 2 частини: одна частина йде на продукційне нагромадження в індивідуальному господарстві, друга у фонд усупільнення по лінії нагромадження в кооперативній системі (якщо в неї є він за члена), і по лінії державного господарства (податки, позики, тощо). Та загалом увесь фонд соціалістичного нагромадження спрямований на те, щоб здійснити тривалі, історичні інтереси обох класів, збудувати безкласове суспільство. Як повинно розподілити між класами труднощі, сполучені з перехідною добою й соціалістичним будівництвом, про це на III-му Всесвітньому Конгресі Комінтерну Ленін казав осьщю: „Мы являемся государственной властью. Мы до известной степени в состоянии распределить лишения, возложить их на несколько классов и таким образом относительно облегчить положение отдельных слоев населения. По какому принципу должны мы действовать? По принципу справедливости или большинства? Нет. Мы должны действовать практично, мы должны произвести распределение таким образом, чтобы сохранить власть пролетариата; это является нашим единственным принципом“ (Ленін том XVIII, часть I ша стор. 305).

Отже перший щабель абстракції на підставі Ленінової науки — це побудування моделі двохкласового суспільства, що її аналізу ми згодом подамо. Другий щабель абстракції це тоді, коли ми ускладнюємо цю модель конкретизуючим моментом, включаючи в аналіз системи — третій суспільно-економічний уклад — капіталістичний. Саме, це той антагоністичний уклад у системі перехідної економіки, що провадить вперту й завзяту боротьбу аби зберегти й зміцнити свої методи розподілу суспільної праці, що геть-усяко прагне притягнути на свій бік просте господарство та про всяку ціну перешкодити соціалістичному будівництву. Кажучи класовою мовою — це значить, що в конкретнім перехіднім суспільстві точиться постійна завзята класова боротьба між буржуазією і пролетаріатом за опанування основними незаможницько-середняцькими масами на селі. Це той самий уклад, що мирно не вростає у соціалізм, і тільки в боротьбі, за певної системи економічних заходів пролетарської диктатури, спрямованих винищити коріння капіталізму, соціалістичний уклад перемагає та торує шлях до безкласового соціалістичного суспільства. „Крестьянское хозяйство продолжает оставаться мелким товарным производством. Здесь мы имеем чрезвычайно широкую и имеющую очень глубокие, очень прочные корни базу капитализма. На этой базе капитализм сохраняется и возрождается вновь — в самой ожесточенной борьбе с коммунизмом“ (Ленін том XVI, стр. 349). „Ибо мелкого производства осталось еще на свете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе. По всем этим причинам диктатура пролетариата необходима, и победа над

буржуазией невозможна без долгой, упорной отчаянной войны не на живот, а на смерть,— войны, требующей выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли“ (Ленин том XVII, стр. 118). У цих цитатах ми маємо геніальні вказівки Леніна на потребу доповнення абстрактного типа двохукладного перехідного суспільства третім капіталістичним укладом. До того треба підкреслити, що на даних зразках абстрактної аналізи ми відвертаємось од зовнішнього капіталістичного оточення, яке ускладняє конкретний розвиток і рух системи перехідного господарства.

VI.

У горінаведень Леніновій характеристиці першого зразку абстракції, аналізуючи якісні особливості перехідної економіки, ми висловили, що перехідний економіці специфічно питома одність соціалістичного й дрібно-товарового (селянського) укладів господарства. Тепер маємо довести, що ця одність є — одність діалектична, теоретично висвітлити основний закон її руху; для того потрібно на ґрунті принципу „роздвою єдиного“ проаналізувати природу кожного з них і знайти між ними ті „типичні співвідношення між ними“, на підставі яких можна довести неможливість їхнього відокремленого існування за теперішнього рівня розвитку продуктивних сил; на підставі цього можливо виявити основну рушійну силу їхнього діалектичного розвитку й переростання в іншу систему продукційних відносин. Щоб слушніше розв'язати поставлені питання, ми вважаємо за доцільне зробити невеличкий екскурс в історію розвитку двох провідних галузей народного господарства: промисловості й сільського господарства.

Усю історію розвитку капіталізму змальовують два головні процеси: індустріялізація та пролетаризація. Вони щільно зв'язані у своєму розвитку. Процес індустріялізації це технічна база економічного розвитку капіталістичного суспільства, відзеркалює загальний процес перерозподілу продуктивних сил між промисловістю й сільським господарством на користь промисловості. Процес цей має абсолютний або відносний характер залежно від конкретних соціально економічних обставин тої чи іншої країни в загальному процесі економічної еволюції світового господарства. Процес пролетаризації це вислів тої соціально-історичної форми, що в ній згаданий процес індустріялізації розгортається. Процес індустріялізації заставив ще за доби переходу з консервативної, ручної техніки в хліборобстві й ремісництві на революційну технічну базу великої машинної індустрії, „которая никогда не рассматривает существующие формы организации производственного процесса как окончательные и постоянно производит перевороты в техническом базисе производства“, (Маркс). Машинна техніка продукції заступає ручну техніку не лише в ремесничій і кустарній промисловості, але почасти і в сільському господарстві. Оцей процес перемоги машин в усіх ділянках суспільної продукції — це основна прикмета загально-людського поступу. Та що в сільському господарстві перемагає масове поширення машинної техніки, то через те і маємо відривання продукції машин та інших технічних засобів продукції для сільського господарства від його попередньої сільсько-господарської бази і перетворення його на одну з провідних функцій великої міської промисловості. Отже, в самісінькій великій промисловості починають переважати ті галузі промисловості, що продукують галузі продукції і для промисловості, і для сільського господарства. Тимто, взагалі, кожен технічний поступ на ґрунті машинної техніки збігається з розвитком великої промисловості, та зосібна з її провідною галуззю — важкою індустрією. Велика машинна індустрія стає за підйому усякого технічного поступу, основною рушійною силою мате-

ріальної продукції сучасного суспільства. Сільське господарство у своєму технічному поступі цілком залежить од великої промисловости, та воно своєю чергою спричиняє процес розвитку великої промисловости, бо воно одночасно постачає харчову й технічну сировину промисловості та споживає виріб легкої й важкої промисловости.

Отож і бачимо, що теперішній стан продуктивних сил такий, що без допомоги великої промисловости сільське господарство не може піднятися на вищий технічний щабель; разом мусимо констатувати, що постав своєрідний поділ праці між цих двох сфер господарства, і що без цього цілком неможливе їхнє самостійне відокремлене існування; вони одне одне доповнюють і тим перетворюються в органічну одиність; але в цій одиності провідну силу має велика промисловість. Самий розвиток великої машинної індустрії в історичному аспекті сполучений з виникненням і розвитком капіталістичної суспільної формації. Сільське господарство денатуралізується, перетворюється у просту товарову продукцію, і на далі еволюціонує в даних історичних обставинах (капіталістичних) неминуче по лінії перетворення простої товарової продукції — в систему капіталістичних продукційних відносин. У теперешніх обставинах сільське господарство не може самостійно розвиватися і цілком залежить од тенденцій розвитку великої промисловости. В капіталістичному суспільстві велика промисловість може розвиватися тільки в капіталістичній формі, і тому шлях розвитку сільського господарства також може бути лише капіталістичним. Історичне оточення для сільського господарства радикально міняється в зв'язку з пролетарською революцією і встановленням диктатури пролетаріату. Націоналізована велика промисловість стає послідовно соціалістичним типом підприємств; оця зверхня економічна сила (велика промисловість) капіталістичного суспільства переходить до рук пролетаріату і править за економічну базу трансформувати усеньке народне господарство в геть вищий тип продукційних відносин — соціалізм. От через що Ленін, маючи на увазі провідну роль великої промисловости за теперішнього рівня техніки, повсякчасно підкреслював, що треба згуртувати усі сили пролетаріату на розвиткові великої промисловости, здаючи собі справу про оптимальні можливості цілого народного господарства країни. „Действительно единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна — это крупная промышленность“ (Ленін, том XVIII, част. I-ша стор. 240).

Аналізуючи природу дрібного товарового продуцента — трудового селянина, можна констатувати, що він є одночасно трударем та власником засобів продукції. Оця двоїста природа дрібного продуцента товарів криє в собі суперечливі тенденції розвитку. Перша тенденція — це тенденція до товариського об'єднання продуцентів-трударів та організації великого колективного господарства. Друга тенденція — збереження приватної форми власности й організація великого одноособового фармарського господарства. У цій розбіжній боротьбі згаданих тенденцій бере гору перша або друга тенденція залежно від того історичного середовища, в якому вони точать боротьбу. За капіталізму щонайбільше бере гору друга тенденція; в перехідному суспільстві — пролетаріат будує історичне середовище, яке прискорює темп товариського об'єднання дрібних товаропродуцентів і послабляє тенденції побільшувати одноособові господарства. Це не значить, що в наших обставинах зникає суперечність між згаданими тенденціями розвитку. Це лише значить, що пролетаріат, підтримуючи тенденції до товариського об'єднання, спираючись на ці тенденції, відкриває перед дрібними товаропродуцентами шлях до соціалізму.

Отже, з наведеного висновуємо: сільське господарство й промисловість становлять невідчепну одність, де провідна роля належить промисловості; при цьому, в перехідному суспільстві переважає дрібнотоваровий соціально-економічний уклад сільського господарства та послідовно соціалістичний уклад промисловості. В обох цих укладах ми маємо одність засобів продукції і робочої сили, в цьому їхня тотожність; та форма цієї одності в першому укладі — одноособова, а в другому — колективна; в цьому їхня одміна. Змальована вгорі двоїста природа дрібного товаропродуцента тут виявляється ще краще. По лінії ставлення до робочої сили він наближається до робітника, по лінії ставлення до засобів продукції — до капіталіста. У цій одності і криється причина двох суперечних тенденцій розвитку. Одність системи народного господарства з його провідними галузями (сільське господарство й промисловість) це й є матеріально-продукційна база одності економічної системи перехідного суспільства, як одності соціалістичного та дрібнотоварового укладу.

У цій одності і криється якісна одміна перехідного суспільства. Ця одність — одність протилежностей, що у своєму розвитку через боротьбу протилежностей трансформується в близьку суспільну формацію — соціалізм. Тепер ми повинні у цій одності вишукати питомі її сили, які за відповідних обставин її розвитку перетворюють можливість у реальність: спричиняють вищий тип продукційних відносин.

Саме: перша сила — усупільнена велика промисловість. У ній тип продукційних відносин послідовно соціалістичний, і як ми вже зазначали, соціалістичні відносини в наших обставинах це провідна щодо сільського господарства сила. Друга сила — схована в самій природі дрібного господарства тенденція до усупільнення через організацію товариських об'єднань. Третя сила — форма зв'язку між ними, саме усупільнена торгівля. Це той стик між соціалізмом і дрібнотоваровим господарством, де повнотою реалізується можливість перейти до соціалізму; опанувавши бо цю посередницьку ділянку народного господарства, соціалістична промисловість утворює історичне середовище, на підставі якого суперечні тенденції дрібного господарства йтимуть по шляху усупільнення сільського господарства. Чи давно, що Ленін у своїх працях про перехід до нової економполітики прямо підкреслював цей момент, бо ж він успроможнить успішний розвиток соціалістичного будівництва. „Торговля — вот то звено в исторической цепи событий переходных форм нашего социалистического строительства 1921-1922 г.г., за которые надо всеми силами ухватиться нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы за это звено достаточно крепко ухватимся, мы всей цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка. А иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических общественных отношений не создашь“. (Ленін. том XVIII, част. 1-а, стор. 379). Четверта сила — націоналізована земля. Це та сила, що обмежує можливість нагромаджувати земельні масиви (головну підвалину сільсько-господарської продукції) в руках не багатьох одноособових господарств. Якщо цього чинника не було б, то в обставинах товарової продукції ми мали б перерозподіл землі в бік сприяння розвитку одноособового великого господарства. П'ята сила — усупільнений сільсько-господарський кредит, на ґрунті якого пролетарська держава може стимулювати тенденції до усупільнення.

Якщо не було б згаданої сили, то в дрібнотоваровому секторі моглиб розвиватися лихварство й поневільні угоди. Крім цього, пільгове кредитування усупільнених форм сільського господарства проти

його одноособової форми — це також одна з підойм, що нею пролетарська держава стимулює розвиток тенденції до товариського об'єднання.

Крім наведених сил, пролетарська держава має досить солідні підойми стимулювати тенденції до товариського об'єднання, а саме: держава організує міжвиселкові машино-тракторні станції, постачає машини, організує землеустрій, контрактацію, продукційно допомагає державними сільсько-господарськими фабриками, податковою політикою, тощо; це ті підойми, що передусім з їхньою допомогою пролетарська держава найкраще зміцнює продукційну змичку між усупільненим сектором та дрібною товаровою продукцією, і цим посилює тенденції до усупільнення.

З вище наведеного бачимо, що якісна одміна перехідної економіки є в одності соціалістичного та дрібно товарового укладів. Ця одність, як одність протилежностей, криє в собі ті сили, на підставі яких вона в своєму розвитку неминує перетворюється у свою протилежність. Тимто, ми повинні відкинути спроби дати абстрактну модель перехідної економіки, як одності соціалізму та товарово-капіталістичного укладу; вони бо не відбивають в пізнанні нашої дійсності. Щоб визначити усі ці якісні властивості перехідного суспільства можна було б прикласти осьякі Гегелеві слова: „Если же нечто существующее не в состоянии в своем положительном определении вместе с тем перейти в отрицательное и удержать каждое из них в другом, обладают в нем самом противоречием, то это нечто не есть живое единство, не есть основание“. Капіталізм і соціалізм не можна звести до якоїсь одності. Припустивши таку одність — годі довести неможливість їхнього відокремленого існування і що ця одність „в своем положительном определении вместе с тем в состоянии перейти в отрицательное и удержать каждое из них в другом“. Соціалізм може подужати капіталізм лише через жорстоку боротьбу, витісняючи, поглинаючи і його пожираючи, та ажнік не через співробітництво, керівництво й мирне вросання в соціалізм капіталізму, нехай і за диктатуру пролетаріяту. Преображенський власне збудував свою теорію пожирання досоціалістичних форм соціалістичними лише через те, що просто був послідовніший у своїх теоретичних узагальненнях, хоч і збудованих на неправдивих методологічних засадах.

Як на нас, то ми вважаємо, що абстрактна модель двохкласового перехідного суспільства, як одність соціалістичного та дрібно-товарового укладу, геть краще відповідає Леніновій теорії за усяку іншу. „В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третируют, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при НЕП'е также, разве это не все, необходимое для построения социалистического общества... каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса... теперь мы должны сознать и перетворить в деле, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный“. (Ленін „О кооперации“). Оцеї геніяльний Леніновий кооперативний план саме теоретично уґрунтовує шляхи й методи соціалістичної переробки дрібної товарової селянської економіки через стимулювання розвитку закладених у цій економіці тенденцій до товариських об'єднань.

Позатим, Ленін підкреслював, що треба конче провадити скажену, нещадну економічну боротьбу з капіталістичним укладом, про що він і

говорить в усіх своїх творах. „Уметь достигать соглашения со средним крестьянством, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту“. Тут Ленін підкреслює, що з товарокапіталістичним укладом має бути лише економічна класова боротьба, і в жодному разі не припускати класового співробітництва. Ми ще раз підкреслюємо: усі вгорі наведені Ленінові твердження можуть методологічно ґрунтувати абстрактну модель одності соціалістичного та дрібнотоварового укладу, і ажніяк не ґрунтують вони одності соціалістичного укладу та товарокапіталістичного.

Тільки накреслений вгорі абстрактний тип перехідної економіки може найслухніше теоретично ґрунтувати ту економічну політику, яку пролетарська держава провадить в перехідну добу від капіталізму до соціалізму (ми маємо тут на увазі добу мирного економічного, соціалістичного будівництва, абстрагуючись од доби громадянської війни). „В НЕП^е мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает гигантское значение кооперации. В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве НЕП^а есть все, что нам нужно, потому, что теперь мы нашли ту ступень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов“ (Ленін, XVIII част. II-га, стор. 129). Тут Ленін підкреслює основну якісну одміну НЕП^и. Та на думку котрих економістів виходить, що основна якісна одміна НЕП^и лежить саме тільки по лінії політики, коли соціалістичні елементи, змагаючися з капіталістичними, повинні кінцею кінцем їх подужати.

VII.

Змальована нами якісна специфічність перехідної економіки і має бути за предмет спеціальної економічної теорії. На ґрунті такої абстрактної моделі структури перехідної економіки і слід дослідити усю систему економічних категорій, якими і треба виявляти за видимим його явищем внутрішню суть. У нашій економічній літературі про дослідження основних законів розвитку економічної системи перехідного господарства почали головно сперечатись навколо питання: що за регулятор цієї системи, який саме специфічний спосіб розподілу суспільної праці, що лежить в основі рівноваги цієї системи. Не маючи на меті у даній статті дати розгорнуту теоретичну аналізу регулятора перехідної економіки, ми таки вважаємо за потрібне зачіпити декотрі сполучені з даною проблемою основні засади. Перехідне господарство, як одність соціалістичного та дрібнотоварового укладу не може бути натуральним господарством. Окремі елементи цієї системи зв'язуються на ґрунті ринкових відносин. Соціалізм, як дрібнотоваровий уклад, виступає в товаровій формі, здобуває товари на ринок, ажніяк не міняючи своєї основної якісної властивості. „Коммунизм и торговля, говоритъ Ленин, что-то очень несвязное несуразное, далекое. Но если поразмыслить экономически, одно от другого не дальше, чем коммунизм от мелкого, крестьянского, патриархального земледелия“ (Том. XVIII, част. I, стор. 379). Історична товарова форма господарства виникла задовго до капіталістичної системи й розвивалась у різних економічних структурах людського суспільства.

Товарова виміра зачалась іще на межах між вільними громадами, де праця організована пляномірно, на комуністичних засадах; згодом в історичній динаміці суспільних формацій через вбивання в силу про-

дуктивних сил, виміна товарів — від виміни між громадами, через робото-власницьке господарство, феодальне, дрібноселянське до капіталістичного — увесь час розвивалася так чи сяк залежно від економічної структури даного суспільства; ця виміна дійшла найвищого щаблю лише в капіталістичному суспільстві. З продаваного на ринку товару годі впізнати, хто його виробив, який той тип продукційних відносин, де вироблено продукт, що як товар вступає на ринок. Тимто, з приводу цього Маркс говорить: „Каков бы ни был способ производства, на основе которого производятся продукты, входящие в обращение, как товары, — будут ли это перевобытные общинные хозяйства или производство основанное на рабском труде, или мелко крестьянское, или капиталистическое производство — это несколько не изменяет их характера как товаров, и в качестве товаров они одинаково должны пройти процесс обмена и сопровождающие его изменения формы“ (Капітал, том III, част. I-а стор. 250, 1929 р.). Отже, що зберігається товарова форма зв'язку між елементами народньо-господарського цілого, то це ще не дає змоги тямити яка саме його якісна властивість, і теоретична аналіза і повинна саме виявити його основний зміст. Щоб краще уявити собі, як розподіляється суспільна праця в перехідній економіці, передтим треба коротко змалювати основні методи регулювання кожного укладу зокрема, припустивши їхнє автаркічне існування.

Дрібнотоваровий уклад ґрунтується на анархії продукції, йому питомі неорганізовані стихійні сили, брак свідомої управи й керівництва суспільним господарством; суть цього способу продукції в тому, що усеньке суспільне господарство розщеплене на велику кількість самостійних господарських клітин, бо існує поділ праці і приватна власність на засоби продукції. Цьому способові продукції питомий закон вартости, як певний питомий йому метод поділу суспільної праці в окреслених порціях у продукційному процесі, як специфічний питомий йому стихійний метод добиватися рівноваги між продукцією та споживанням. Не те в соціалістичному укладі: в ньому бо діє принцип раціональної, організованої управи й керівництва єдиним цілим суспільним господарством. В ньому нема закону вартости, як його якісної специфічності. Це господарство позначається на те, що заздалегідь складають певний плян на окреслений термін, за яким триває продукція через даний протяг часу. Якщо з декотрих причин цього пляна з будьякого погляду не виконано, то коли будуть залишки, ці залишки нагромаджуються у виді запасів, а що будуть нестатки, то їх можна доповнити з попередніх запасів. Так схематично можна змалювати увесь перебіг репродукційного процесу в соціалістичному укладі. Та що переважає господарство дрібно-товарового укладу, чи капіталістичного — утворені залишки стихійно порушують продукційний процес.

Тепер постає питання: в чому суть закону рівноваги економіки перехідної доби? чи можна звести цей закон головно до закону вартости чи ні? чи здійснено цілком пляновий розподіл у суспільній праці? На це питання відповісти можемо осьяк В перехідній економіці триває процес відмирання закону вартости. Інтенсивність цього процесу визначає питома вага в народньому господарстві дрібного товарового укладу. Вплив закону вартости в дрібно-товаровому укладі в тому, що плянові органи, обізнані з вартосними взаєминами на окремі вироблені в ньому продукти за певний час, опрацьовують плянові заготівельні ціни на окремі продукти, що їх викидає дрібний продуцент на ринок, в такі пропорції, щоби через ці ціни вплинути в бажаному напрямі на розподіл продуктивних сил в цьому приватному господарстві. Отже, передбачаючи стихійно складувані господарські відносини, активно й свідомо регулюючи про-

дукційний процес через пристосування плянової ціни до виявлених в цьому процесі відносин, ринкова стихія в своєму розвитку сама себе подужує. Зверхня форма найкращого плянового регулятивного впливу на дрібне господарство — це договорена контрактаційна ціна. Державний сектор, складаючи контракти з дрібними продуцентами товарів, активно впливає на розподіл продуктивних сил, як йому потрібно, і цим перетворює це дрібне господарство у своєрідну хатню систему соціалістичної продукції. Отак, по лінії дрібно-товарового укладу плян по-малу і посередньо витісняє стихію. Успішно плян впливає на стихію тому, що пізнає і зазделегідь передбачає прийдешні стихійні закономірності. Що плян впливає на стихію через регулювання, то накреслені пляни розподілу продуктивних сил мають розмірне значення, і також саме регулювання може приблизно наближатися до накресленого пляну, бо остаточний результат в дрібно-товаровому укладі одержуємо через сутичку багатьох окремих воель, сили силенної перехреснуваних сил. Безпосередньо плянувати можливо лише в усупільненому укладі, але й на це, своєю чергою, впливають встановлювані стихійні пропорції в дрібно-товаровому укладі, на ґрунті прикладання плянового регулятивного методу в цьому укладі розподілу суспільної праці. Отже включати регулювані ринкові пропорції в плян, реалізувати і обгортати самий плян у форму ринкових відносин — от який загалом процес розподілу суспільної праці в перехідній економіці. Цьому процесові питомий основний закон перехідної економіки: закон соціалізації усього народнього господарства (в промисловості й в сільському господарстві).

Висунутий нами специфічний метод розподілу суспільної праці в перехідній економіці — як пляново-регулятивний, на нашу думку, можна перевірити на практичній діяльності та в господарському будівництві СРСР. В цьому методі ми маємо одність раціонального та ірраціонального. Раціональне здійснюється в ірраціональній формі, а ірраціональне передбачається раціональним, на підставі чого активно й свідомо впливаємо на ірраціональний процес, спрямовуючи його по лінії накресленого раціонального шляху. У цій двоїстості методу і полягає практика пролетарської держави за допомогою утворених своїх пляново-регулятивних органів. Що цей процес розподілу суспільної праці в перехідній економіці має двоїсту природу, то через те ми можемо *відносно* наближатися і здійснювати передбачену пляном рівновагу, хоч тепер це годі нам повнотою здійснити.

У згаданій одності раціонального та ірраціонального і полягає суть пляново-регулятивної ціни, що є собою центральний кістяк ринкового товаро-обороту і повнотою висловлює економічний зв'язок між робітництвом і селянством. „В проблеме цен перекрещиваются основные экономические, а следовательно, и политические проблемы советского государства: вопросы правильного установления взаимоотношений крестьянства и рабочего класса, вопрос обеспечения взаимосвязанного и взаимнообусловленного развития сельского хозяйства и промышленности, вопрос распределения национального дохода и связанные с ним вопросы индустриализации СССР и укрепления как экономически так и политически рабочего класса. Планомерное усиление социалистических элементов нашего хозяйства и дальнейшее ограничение частно-капиталистических элементов народного хозяйства — все это упирается в проблему цен“. (З резолюції лютневого пленуму ЦК ВКП(б) 1927 г.). Розвиток продуктивних сил у перехідну добу щільно переплітається з розвитком процесів соціалізації народнього господарства. Можемо сказати, що пролетарська революція визволяє дрібного товаро-продуцента — селянина з усіх кайдан буржуазного суспільства, як і залишків

феодалного, і коли вона утворює для нього нове історичне оточення, насамперед велику усупільнену промисловість і націоналізовану землю, то цим вона максимально посилює темп розвитку продуктивних сил, гальмує тенденції розвитку великого одноособового господарства та сприяє тенденціям розвитку великих усупільнених об'єднань. В цьому і криється специфічна одміна основного закону перехідної економіки — закону соціалізації народного господарства. Звичайно, як усі закони, і цей закон дещо модифікується, бо його ускладнюють різні чинники (хочби наявність капіталістичного укладу, тощо), але аналіза цих чинників сюди не належить, бо ми дотепер перебуваємо на першому щаблі абстракції перехідного — двохкласового — суспільства.

У своїй геніальній аналізі капіталістичного суспільства Маркс дав всезагальний закон капіталістичного нагромадження. Він формулює його так: „що більше суспільне багатство, то більший капітал, який функціонує, розміри й енергія його зростання, отже, і абсолютна величина пролетаріату і продуктивність його праці, тим більша резервна промислова армія. Отже, відносна величина резервної промислової армії зростає разом із зростанням сил багатства. Але що більша ця резервна армія проти активної робітничої армії, то масовішого характеру набирає сконсолідоване перелюднення, що його злидні зворотно пропорційні до мук його праці. Нарешті, що більша жебрацька верства робітничої класи й резервної промислової армії, то більший офіційний павперизм. *Оце є абсолютний закон капіталістичного нагромадження* (Капітал том I-й, стор. 514, 1928 р.). Щось цілком інше в перехідній економіці. Там, в капіталістичному суспільстві ми маємо поряд зростання продуктивної сили праці — зростання резервної армії; у перехідній економіці — поряд розвитку продуктивності праці маємо зростання добробуту трудящих, і замість кризи збуту робочої сили, павперизму, зростання промислової резервної армії, — тривалий процес дедалі більшого втягування в продукцію робочої сили, поруч з процесом індустріалізації та соціалізації народного господарства. Процес безперервного зростання активної робочої сили суспільства у своїй тенденції — це процес перетворення усієї потенційної енергії суспільства в діяльну на ґрунті безперервного зростання добробуту мас, і що далі то більше меншає обов'язковий робітний день для активної робочої сили. Цей закон перехідної економіки — закон соціалізації народного господарства.

В усій практиці господарської діяльності першої у світі пролетарської держави згаданий закон є провідним і визначає напрямок усенької цієї діяльності. „При составлении 5-ти летнего плана народного хозяйства, как и при составлении всякого хозяйственного плана, рассчитанного на более или менее длительный срок, необходимо стремиться к достижению наиболее благоприятного сочетания следующих элементов: расширенного потребления рабочих и крестьянских масс, расширенного воспроизводства (накопления) государственной индустрии на основе расширенного воспроизводства в народном хозяйстве вообще, более быстрого, чем в капиталистических странах, темпа народного хозяйственного развития и неперемennого систематического повышения удельного веса социалистического хозяйственного сектора, что является решающим и главным моментом во всей хозяйственной политике пролетариата.“ (З резолюції XV З'їзду „О директивах по составлению 5-ти летки“, стенографічний звіт, сторінка 1292). Отже, наведена директива XV З'їзду стисло теоретично узагальнює основний закон руху перехідного господарства, що гаразд висвітлює якісну специфічність, усю якісну питомість перехідної економіки.

От редакции

Помещая в настоящем номере журнала „Господарство України“ в дискуссионном порядке статью В. Акуленко „О марксизме, индустриализации и безграмотности“, а также письмо его в редакцию—редакция, считая *неисчерпанной* дискуссию по существу вопросов, затронутых автором в своей статье, напечатанной в № 3 журнала „Хозяйство Украины“ за 1929 г., и в статьях его, напечатанных в № 2-4 журнала „Плановое Хозяйство“, полагает необходимым теперь же высказаться по поводу недоуменных вопросов, поставленных редакции В. Акуленко в своей статье и в письме в редакцию—печатаемых в этом номере журнала.

В. Акуленко бросает редакции обвинение, что редакция проявила „странный либерализм“, помещая в дискуссионном порядке статью Ф. Винника, являющуюся, по мнению В. Акуленко, безграмотным пасквилем. Редакция со всей решительностью отвергает такого рода оценку статьи Ф. Винника. Редакция, не разделяя некоторых положений статьи Ф. Винника и помещая ее поэтому в дискуссионном порядке—не считала и не считает однако эту статью ни безграмотной, ни пасквилем. Подобная оценка статьи Ф. Винника свидетельствует только о том, что В. Акуленко в данном случае не смог, к сожалению, с достаточной и необходимой объективностью отнестись к критике своих взглядов, также и о том, что В. Акуленко в данном случае упустил из виду задачи и значение советского экономического журнала.

Редакция поместила в № 3 журнала статью В. Акуленко—„Народно-хозяйственная эффективность капиталовложений“—в порядке обсуждения; считая эту статью актуальной со стороны самой темы и заслуживающей внимания со стороны некоторых положений автора—редакция, однако, не могла солидаризироваться со всеми утверждениями автора, считала ряд положений автора ошибочными и именно поэтому поместила статью „в порядке обсуждения“. Некоторые ошибочные положения автора и подверглись критике со стороны Ф. Винника. Редакция считала и считает необходимым допускать на страницах журнала критику ошибочных взглядов авторов экономистов „не взирая на лица“. Редакция считала и считает необходимым всестороннее обсуждение и освещение вопросов такой актуальной темы, как эффективность капиталовложений—которая еще и поныне недостаточно разработана.

Что касается формы полемики Ф. Винника, то Редакция, соглашаясь с тем, что обвинения, бросаемые Ф. Винником по адресу В. Акуленко, достаточно серьезны и самый тон статьи Ф. Винника достаточно резок,—считала и считает, однако, что по своей форме статья Ф. Винника не выходит за пределы форм, допускаемых в литературной полемике и имеющих часто место на страницах советских журналов. В этих пределах стиль и тон полемики—дело самого автора, его темперамента, его полемических приемов и литературных навыков.

В. Акуленко недоумевает, почему редакция не устранила из статьи Ф. Винника дискредитирующих его—т. Акуленка—выводов. Тов. Акуленко, очевидно, имеет в виду утверждение Ф. Винника, что статья т. Акуленко представляет собой теоретическую вылазку против генеральной линии партии, что эта статья—независимо от субъективных намерений и устремлений автора—отражает шатание мелкого буржуа, его панику перед трудностями первого этапа реконструкции. Ф. Винник, таким образом, указывает на классовое содержание и сущность определенных взглядов. Статья Ф. Винника содержит не личные выпады против т. Акуленко, не сведение каких-то личных счетов, а критику и политическую оценку определенных взглядов. Дело критикуемого автора и других солидаризующихся с ним показать, что критика по существу неправильна, что данная квалификация взглядов автора со стороны их классово-политического содержания неверна. Тов. Акуленко, вероятно, известно, что на страницах советских экономических журналов не только допускается политическая квалификация взглядов критикуемых авторов, но что такая классово-политическая оценка системы взглядов или даже отдельных положений критикуемого автора является обязательной для каждого критика, вскрывающего неправильность теоретических положений и взглядов, развиваемых в критикуемой статье. Тем более это необходимо тогда, когда речь идет об актуальных вопросах нашего социалистического строительства и экономической политики.

Давая на страницах журнала возможность Ф. Виннику критиковать и политически квалифицировать некоторые теоретические положения В. Акуленко, развиваемые им в критикуемой статье, положения, которые, во всяком случае, не являются принятыми партией и общепризнанными в среде советских экономистов-марксистов, редакция руководствовалась соображениями необходимости всестороннего выяснения самой проблемы и политически правильного ее разрешения в соответствии с генеральной линией партии. Чуткое реагирование на всякие теоретически и политически неправильные взгляды и положения является задачей всех советских журналов, в том числе, конечно, и „Хозяйства Украины“. Что некоторые положения тов. Акуленко не являются общепризнанными в среде советских экономистов-марксистов, свидетельствует хотя бы тот факт, что как „Плановое Хозяйство“ так и „Хозяйство Украины“ поместили статьи его в порядке обсуждения. При таком положении редакция, даже если бы она и не солидаризировалась с Ф. Винником в оценке взглядов т. Акуленко, не должна была и не могла устранить из статьи Ф. Винника, печатаемой в дискуссионном порядке, соответствующей квалификации взглядов В. Акуленко.

Что касается существа положений, развиваемых В. Акуленко в своей статье, напечатанной в № 3 журнала, а также и в печатаемой в настоящем номере, то Редакция в настоящей небольшой заметке вынуждена ограничиться только указанием, что она считает неправильным ряд теоретических положений В. Акуленко и некоторые практические выводы его по вопросу о капиталовложениях в СССР. Редакция поручила одному из своих членов поместить в одном из ближайших номеров журнала статью, посвященную рассмотрению ряда вопросов, затронутых тов. Акуленко в своих статьях.

В. АКУЛЕНКО

О марксизме, индустриализации и безграмотности

Анализируя наиболее актуальные вопросы нашей экономики—вопросы товарного голода и вопросы темпа развития, я поместил в № 2-4 „Планового Хозяйства“ статью „Направление, темп, равновесие“. Так как ряд положений этой статьи был изложен схематически, то развивая их, я поместил в № 3 „Хозяйства Украины“ статью „Народно-хозяйственная эффективность капиталовложений“, где дал более детальную трактовку одного из моментов сводной статьи—момента темпа.

Последняя статья, равно как и соответствующие места первой статьи, помещенной в „Плановом Хозяйстве“, подверглись критике Ф. Винника (См. „Хозяйство Украины“ № 6 1929 г.) в статье „По поводу откровений т. Акуленко“.

Прежде, чем дать оценку, так сказать, „генеральным“ выводам статьи моего критика, я изложу в общих чертах основные свои идеи, подвергшиеся критике.

С точки зрения эффективности капиталовложений *разрешение проблемы темпа* заключается в нахождении таких комбинаций живого и мертвого труда (капитала) и такого межотраслевого сочетания этих комбинаций, которые, обуславливая определенную степень рыночного равновесия, гарантировали бы при данных социально-экономических условиях возможность максимального роста накопления и максимального повышения производительности общественного труда в целом. Я подчеркиваю „при данных социально-экономических условиях“, потому что в одних случаях ускорение темпа обуславливается одними пропорциями, а в других—другими.

На первый взгляд кажется, что наибольший темп роста будет тогда, когда затраченный капитал даст наибольшую сумму продукции на единицу капитала (P/C).

Иначе говоря, так как при данном уровне технической культуры по мере роста технического состава капитала продукция на единицу капитала падает (падение P/C по мере роста C/V)¹⁾, то можно было бы сделать вывод, что максимальный темп обуславливается наиболее низким уровнем механизации труда. Тем более, что при низкой механизации одна и та же сумма капитала позволяет вовлечь большее число рабочих, чем при высокой механизации. Такой вывод был бы неправильным, т. к. производительность труда тем выше, чем выше механизация труда. Поэтому, низкой механизации отвечала бы низкая производительность, а потому и низкая зарплата и пониженная норма накопления.

¹⁾ Исключение составляют паросиловые установки, химическая аппаратура вложения реконструктивного характера.

Но с другой стороны, не менее ошибочно было бы думать, что чем выше уровень механизации, тем больше условий для ускорения темпа. Так как по мере роста механизации росту нормы накопления соответствует параллельное понижение чистой продукции на единицу капитала и по стоимости, и по физическому объему, то при достижении известного уровня механизации мы можем иметь такое положение, когда произведение повышенной нормы на относительно пониженную продукцию может быть меньше произведения пониженной нормы на относительно повышенную продукцию.

Между тем для усиления темпа важно как раз иметь не столько повышенную норму накопления вообще, сколько повышенное отношение массы накопления к затраченному капиталу. Следовательно, вся соль проектирования в нахождении оптим. уровня механизации *при данных экономических условиях*, так как не всякая степень механизации, экономически целесообразная в одной стране, может быть экономически выгодной в другой стране. Механизированное производство дает для данного хозяйства наибольшую массу прибавочного продукта (абсолютно и относительно к капиталу) только в том случае, когда масса прибавочного продукта, реализованного благодаря введению новой более мощной машины будет превышать возможную массу прибавочного продукта, которую могла бы дать эта дополнительная масса капитала при более низком уровне механизации, т. е. за счет дополнительного вовлечения рабочих.

Впрочем, в каждый данный момент лимитом высокого уровня механизации является не только масса прибавочного продукта и отношение последней к затраченной сумме капитала, но также и масса чистой продукции, поскольку с точки зрения P более высокое отношение C/V менее „производительно“ на единицу капитала, чем менее высокое. Поэтому всякое общество, нуждаясь в определенной сумме P („чистой продукции“) и располагая для этого всякий раз определенной суммой накопленного труда (капитала), должно при этих двух лимитах—потребное P и существующее C —выбирать такую структуру C/V , которая гарантировала бы производство общественно-необходимых затрат. А вполне понятно, что критерий „общественно-необходимых затрат“ будет один для Германии и другой для САСШ.

Переходим ко *второму моменту*. В различных отраслях существует различный органический состав капитала по чисто техническим условиям производства: так, в промышленности он выше, чем в земледелии, в тяжелой индустрии выше, чем в легкой; в транспорте он выше, чем в промышленности в целом и т. д. Из этого можно было бы сделать тот вывод, что наибольшие темпы будут обуславливаться таким распределением капитала, когда наибольшая масса его будет направлена в легкую индустрию, а не в тяжелую, в сельское хозяйство, а не в промышленность и т. д. Однако и этот вывод был бы неправильным. Дело в том, что ряд наиболее капиталоемких отраслей, как транспорт, тяжелая индустрия, электропромышленность, химия и пр. являются, так сказать, „ведущими“ отраслями, которые хотя и дают пониженную продукцию на единицу капитала, но зато поднимают производительность труда в связанных с ними отраслях. Соответственно с этим я выдвигал в качестве критерия народно-хозяйственной эффективности капиталовложений *комплексный* учет эффективности, а не линейный. Я писал далее, что „плановое хозяйство может сознательно идти на получение от данного капитала в данной отрасли не только меньшей против возможной массы чистой продукции (P), но и меньшей массы прибавочного продукта (M), если этим покупается возможность повышения производительности труда в других отраслях. Достигается это тем, что, игно-

рируя в данный момент закон рентабельности, основную массу вложений общество направляет в „ведущие“ отрасли: в наивысшие отрасли по вертикали и в производство средств производства (эти градации переплетаются)“.

Противопоставляя такой путь развития обычному эволюционному, я писал: „таким образом при „скачкообразном“ пути развития общественного хозяйства отдельные „ведущие“ его отрасли идут вперед форсированным темпом за счет прочих отраслей, подтягивая затем за собой весь комплекс связанных с ними отраслей на реконструированной базе расширенного воспроизводства, в связи с чем имеет место наибольший при данных возможностях рост производительности всего общественного труда в целом“ („Хозяйство Украины“ № 3 58—60 стр.).

Детальное развитие сущности „скачкообразного“ развития дано мною в № 3 „Хозяйства Украины“ на 58—61 стр. и в № 4 „Планового Хозяйства“ стр. 51—57.

Вполне понятно, что и при развитии „ведущих“ отраслей следует ориентироваться на наиболее оптимальный в данных общественных условиях уровень механизации.

Не менее понятно, что, повышая уровень механизации против эволюционного уровня (P/CV), а также, благоприятствуя развитию „ведущих“ отраслей за счет прочих отраслей, мы сознательно ломаем рыночные пропорции, сознательно нарушаем рыночное равновесие. Отсюда явление товарного голода.

Теоретически защищая такой путь развития, я писал, что „развитие народного хозяйства не обязательно должно идти в условиях рыночного равновесия. Высший критерий хозяйственного равновесия не критерий рынка, рыночных цен, а критерий производственных показателей, показателей динамики физического объема промышленной и сельскохозяйственной продукции. Поэтому плановое хозяйство может сознательно ломать закон спроса и предложения, сознательно развиваться в условиях товарного голода, если этот путь обеспечивает ему, при данных хозяйственных ресурсах, не только наибольшие темпы роста, но и наибольшие возможности реконструкции народного хозяйства (напр. превращение его из аграрного типа в индустриальный“ („Плановое Хозяйство“ № 4 стр. 51).

Вполне понятно, что существуют определенные границы волевого влияния на социально-экономическую материю. Существуют твердые границы товарного голода, за которыми товарный голод из фактора реконструкции становится фактором деградации. Не принадлежа к урандустриализаторам с их шапки-закидайской логикой, я считал необходимым подчеркнуть и эти моменты.

Я писал далее, что „скачкообразный“ характер развития, т. е. реконструкция производительных сил неминуемо должна проходить в обстановке не только рыночной, но и социальной напряженности. Возражая против экономистов, переносящих методы развития стихийного хозяйства на экономику волевого целеустремленного хозяйства, я писал: „По нашему мнению, сама возможность такой дискуссии объясняется в лучшем случае тем, что, к сожалению, для ряда экономистов, законы экономики переходного периода не изложены еще ни в одном учебнике, а в худшем нежеланием понимать задачи пролетариата и содействовать их осуществлению“ („План. Х-во“ № 4 стр. 58—59).

Анализируя уже конкретную действительность, я писал, что „действительная причина товарного голода — политика капиталовложений, подчиненная интересам индустриализации страны“. Понимая товарный голод, как голод и на предметы широкого потребления и на пред-

меты производственного потребления, и на фабрики, и на сельскохозяйственные продукты, я писал, что „равновесие следует искать на расширенном базисе, который только и создаст предпосылки длительного последующего равновесия“. (1 в. 71 стр.).

Доказывая, что „в наших условиях развитие народного хозяйства эволюционным порядком было бы связано с наибольшим благоприятствованием интересам деревенской и мелкой городской буржуазии“, я писал, что политика индустриализации препятствует этому и что ценою товарного голода, на исторически коротком отрезке времени, покупаются жизненные интересы широких трудящихся масс (№ 4, стр. 74—75). Правда, я вновь подчеркивал, что „было бы опасно делать обратный вывод—чем больше напряжение, тем больше реконструкция, т. к. за известными пределами товарный голод из фактора реконструкции становится фактором деградации“.

Таковы выводы моих статей.

Когда я писал эти выводы, то я боялся, что меня могут упрекать в *апологии* действительности, о которой обыватель, имеющий историческую перспективу не в 5—10 лет, а в 5—10 дней (очереди), отзывается далеко не лестно (1 в. 73 стр.). Легкомысленная боязнь...

Ф. Винник имел возможность более чем детально изучить мои статьи потому, что его статья появилась в № 6 „Хозяйства Украины“ в первой декаде августа, а № 4 „Планового Хозяйства“ вышел в первой декаде июня, т.-е. за два месяца раньше.

И вот, прочитав мои статьи, Ф. Винник пишет следующее: „Тов. Акуленко проделал огромную работу по извращению марксизма с определенной целевой установкой: доказать, что товарный голод является результатом повышенного сравнительно с общественно-необходимым органического состава капитала“, а также „смещения общественно-необходимых пропорций в сторону тяжелой индустрии“. Каюсь, что я так думал и *сейчас так думаю*, несмотря на обвинения в „извращении марксизма“.

Но самое пикантное впереди: „Представим себе случай „ситцевой индустриализации“, форсированное развитие легкой индустрии, однако, на базе предельно-высокого органического состава капитала. Мы полагаем, что против *такой* индустриализации, несмотря на *предельно-высокий состав капитала*, тов. Акуленко не возражал бы¹⁾. С другой стороны, теоретически вполне мыслимо представить себе форсированное развитие тяжелой индустрии, однако, на старом техническом базисе и, следовательно, без повышения органического состава капитала. Против *такой* индустриализации тов. Акуленко *возражал бы, несмотря на низкую структуру капитала*“. „Мы (т.-е. Ф. Винник), таким образом, констатируем, что статья тов. Акуленко представляет собою теоретическую вылазку против генеральной линии партии, против принятого нами темпа и типа индустриализации, против установки на то, чтобы „догнать и перегнать“ передовые капиталистические страны“.

Называя меня идеологом мелкой буржуазии, которому „чуждо понимание принятого нами (Винником?) темпа и типа индустриализации“, мой критик говорит, что моя статья „отражает шатания мелкого буржуа, его панику перед трудностями первого этапа реконструкции“ („Х-во Укр.“ № 3, стр. 59—60).

„Это наше (Ф. Винника) утверждение прекрасно (!) увязывается с прежними высказываниями тов. А. относительно товарного голода, как об *акте волеизъявления пролетарского г-ва*“. Мелкому буржуа и его

¹⁾ Везде курсив моего „смотрящего в корень вещей“ критика.

идеологу чуждо понимание принятого нами темпа и типа индустриализации, как продетерминированного всей совокупностью условий международного и внутренне-политического бытия СССР. Его идеалистическому мироощущению (?? В. А.) более свойствен волюнтаризм и т. д.

По этому поводу я могу только сказать, что моя статья „Направление, темп, равновесие“ начинается так: „Политика индустриализации страны диктуется как всей внешней экономико-политической обстановкой (неизбежное столкновение двух антагонистических систем), так и рядом внутри-хозяйственных причин (отсталость хозяйственной структуры, низкая производительность общественного труда при относительно больших темпах прироста населения и т. д.)“, („Плановое Х-во“ № 2 стр. 135). А в моих прежних высказываниях (речь идет о статье „Природа товарного голода“, написанной почти два года назад) говорилось так:

„По существу перспектива такова: или сильно понизить темп индустриализации за счет интересов сегодняшнего дня; создать временное потребительское благополучие за счет роста производительных сил; накопить больше резервов за счет уменьшения оборачиваемости капиталов, т. е. за счет темпа воспроизводства, для того, чтобы иметь „спокойную“ конъюнктуру, или идти по пути, который позволит в короткий ряд лет превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, что только и создает возможность уничтожить безработицу, повысить уровень жизни трудящихся и ликвидирует, в конечном итоге, и самый товарный голод. Выбор сделан. Мы идем по второму пути. Вся соль теперь в текущей конъюнктурной политике, которая должна сделать этот путь относительно устойчивым“. Я с сожалением должен констатировать, что несмотря на двухлетний период своего развития, я не ушел вперед от этих формулировок.

Прочитав мои статьи и статью моего „критика“, озадаченный читатель спрашивает: чем продиктованы наезднические выводы Ф. Винника:—неумением обобщать или же желанием претенциозного экономиста нажить себе дешевенький политический капитал? И тем, и другим.

Но вопрос может быть поставлен и в другой плоскости: чем объясняется либерализм редакции „Хозяйство Украины“, поместившей такого рода безграмотный пасквиль?

Так как по этому поводу я обращаюсь в редакцию с открытым письмом, то перехожу к анализу положений, изложенных в статье „По поводу „откровений“ тов. Акуленко“.

* * *

Авторитетный критик подвергнул лобовой атаке след. мои положения: 1) положение, что по мере роста механизации продукция на единицу капитала снижается (падение $P:C$ по мере роста $C:V$);

2) положение, что машина, выгодная в одной стране или в одно время, может быть невыгодной в другой стране и в другое время;

3) положение, что более производительный труд создает в разное время большую стоимость, чем менее производительный труд;

4) положение, что по мере роста производительности труда повышается норма накопления. По всем этим положениям наш критик держится абсолютно противоположного мнения.

Начнем с более детального анализа нашего первого положения: понижается ли выработка на единицу капитала ($P:C$) по мере роста его органического состава ($C:V$), по мере роста механизации или имеет место обратное явление, как это утверждает наш авторитетный критик?

В качестве *иллюстрации*, я привел ряд примеров из нашей действительности, пользуясь материалами, изложенными А. Калмановским в статье: „К вопросу об измерении эффективности капитального строительства“ („Плановое хозяйство“ № 10 за 1928 г.): „При сопоставлении стоимости ныне действующих основных капиталов промышленности со стоимостью вновь строящихся и запроектированных в пятилетие новых предприятий, мы видим, что, на тонну добываемой железной руды приходится на ныне действующих предприятиях 10—11 рублей основного капитала, а на новых технически более совершенных предприятиях — 15—16 руб.; на бочку цемента — соответственно 4 и 7 руб. основного капитала; на тонну фарфоро-фаянсовых изделий — 866 и 1.300 руб.; на 1 красный кирпич — 4 коп. (на ручном заводе) и 9 коп. (на механическом), и т. д.“. Там же был приведен вывод Струмилина о Днепрострое: „Днепрострой, например, будет давать меньше киловатт энергии на каждый затраченный рубль, чем многие из ныне существующих электростанций, но зато энергия будет обходиться много дешевле нынешних цен“. Итак, по мере роста уровня механизации *физический объем продукции* на единицу капитала падает. Нужно заметить, что мы оперировали только основной частью постоянного капитала, но как будет видно ниже, те же выводы получаются и при оперировании всей массой постоянного капитала.

Полемическая добросовестность или, вернее, полемическое искусство моего критика таковы, что он совершенно *замазал* эти факты, т. к. они не укладываются в его „теоретическую“ концепцию (как будет видно из дальнейшего, этот „методологический“ прием не раз еще сослужит службу нашему критику).

По мысли моего критика, основная моя ошибка в том, что я не разграничиваю двух противоположных понятий — объем, масса продукции, с одной стороны, и стоимость продукции — с другой.

Мой критик согласен с моими выводами, когда дело касается *стоимости* продукции: „Верно, что *стоимость* продукции (валовой) на единицу капитала (стоимости его) падает. Верно также и то, что *стоимость* чистой продукции на единицу капитала падает“. „Но все эти истины, неизбежно вытекающие из основных законов, сформулированных Марксом, превращаются в свою противоположность, когда их применяют по отношению к физическим объемам (как это делает т. Акуленко“ (49—50 стр.).

На это я могу сказать, что в неугодных сердцу т. Винника примерах о чугунах, руде, кирпиче и проч. я, как раз, и оперировал не стоимостями, а *физическими объемами*.

„Справедливость (?) требует сказать, пишет мой критик, что, помимо „Моноляйна“ и „Линотипа“ (а только что указанные примеры? А. В.)¹⁾ в запасе у т. Акуленко имеются столь же убедительные данные, касающиеся американской промышленности за период 1904—1914 г.г.“. Здесь, как раз, т. Винник... поймал меня на том, что я оперировал со стоимостью продукции, а делал выводы о физическом объеме.

Авторитетный критик считает, что, действительно, на основании данных о *стоимости* продукции САСШ можно прийти к выводу о падении *стоимости* продукции на единицу капитала. Но так как, благодаря росту механизации, растет производительность труда, а „между

¹⁾ Кстати, признавая падение $P:C$ по мере роста $C:V$ на примере типографских машин, наш критик „возражает“, что этот „дефект“ более совершенной машины окупается ее другими качествами. По существу все эти другие качества сводятся к более высокой рентабельности совершенной машины. Но как раз в том и состоит народно-хоз. выгода повышенной механизации, что последняя повышает норму накопления, а при известных условиях и норму „прибыли“.

производительностью труда и стоимостью продукции существует обратно-пропорциональная зависимость", то падению стоимости продукции на единицу капитала отвечает рост физического объема.

Ф. Винник, фиксируя „этот методологический перл“, удовлетворенно замечает: „Добавлять что-либо тут не приходится“ (52 стр.).

Нет,—придется, любезный критик, хотя бы в порядке самокритики... или выявления вашей экономической безграмотности.

Дело в том, что за последние несколько десятков лет, чуть-ли не со второй половины XIX в., падающей стоимости товаров корреспондировала еще более падающая стоимость денег, как мерил стоимости. Подчиняясь росту производительности труда, цены товаров *падали*, а, подчиняясь падению покупательной способности денег, *цены* товаров *росли*. В итоге же действия этих двух факторов *товарные цены и в САСШ, и в Европе росли*; поэтому в 1900 г., по данным американских индексов, можно было купить какой-либо товар за 1 долл., а в 1914 г. тот же товар стоил уже 1,3 долл. (Statistical Abstract of the U. S. 1925 г. 320 стр.). Поэтому, если бы проиндексировать стоимостные величины и перевести их в твердую оценку (а индекс для капитала всякий раз будет ниже индекса продукции, отставая от последнего на ряд лет), то получилось бы еще *большее* падение продукции на единицу капитала, чем это имеет место в моей таблице (51 стр. № 3 „Хоз-во Украины“¹).

См. по этому вопросу статью А. Калмановского, который несколько раньше меня продемонстрировал на стр. „Планового X-ва“ (№ 10 за 1928 г.) те-же выводы о падении продукции (по стоимости и физическому объему) на единицу капитала по мере роста механизации²).

Я же сознательно не сделал этого, т. к. считаю, что при индексировании мы несколько уменьшаем темп роста физического объема продукции, оперируя индексами с одинаковыми весами. (Соответствующая оговорка сделана мною до анализа таблицы на 50 стр. „Хозяйства Украины“).

Но наш „марксист“ идет дальше. „Но предположим, что производительность труда в капиталистической Америке за последние десятилетия падала. Это не только *может быть*: это, оставая в стороне противодействующие тенденции, так и *должно быть*“ (Sic).

Для доказательства приводится „небольшая, но весьма выразительная таблица“ о динамике физического объема продукции и числа рабочих САСШ за 1859—1914 г.г., из которой видно, что... *производительность труда растет*, т. к. *физический объем продукции растет быстрее числа рабочих*. Кстати, дополняя табл. Губермана, которую наш критик не сумел прочесть, я должен сказать, что *производительность труда* одного рабочего цензовой промышленности САСШ выросла с 1899 г по 1914 г. не менее, чем на 30%.

¹) „Рост товарных цен за последние годы, являющийся, как известно (к сожалению далеко не всем) (В. А.) фактом не только русской жизни, вызвал ряд работ, русских и иностранных, посвященных изучению причин, его вызвавших. На предпоследней (Гаагской) сессии Международного Статистического Института много внимания было уделено этому же вопросу; представлены были многочисленные табл. цен на разные товары за длинный ряд лет“. Пользуясь индексами Sauerbeck'a, Hookeria и Bureau of Labour САСШ имеем след. ряды:

	1900 г.	1912 г.
Англия	114	129
САСШ	110	131
Германия	110	128

(„Статистический Ежегодник“ за 1914 г., стр. 616 — 617).

²) Кстати сказать, статья т. Калмановского содержит ряд существенных доказательств, этих выводов. Мои же примеры приводились только в качестве иллюстрации, т. к. я считал очевидными подобные выводы.

Читатель недоумевает: для какой цели Ф. Винник вторично демонстрирует свою экономическую безграмотность?

Ответ: для того, чтобы доказать „скандальное совпадение теоретических построений т. Акуленко и старого меньшевистско-кадетствующего зубра — С. Н. Прокоповича“, формулировавшего закон убывающей производительности последовательных затрат труда и капитала.

Предоставим слово Ф. Виннику: „Небезызвестный С. Н. Прокопович, как бы в назидание т. Акуленко (!), пишет: „Уже с конца 1890 г. страны старой европейской культуры вступили в полосу народно-хозяйственной депрессии и застоя, не только Англия, но и Франция и даже Бельгия... Мы имеем дело с поворотным моментом в истории *старых* культурных стран...“ „Между тем, пишет Ф. Винник, т. Акуленко строит выводы *исключительно* на материале капиталистической промышленности *Америки* за последние 15—20 лет. Коэффициенты и темпы этого загнивающего капитализма т. Акуленко преподносит нам в качестве последнего слова экономической науки, как *логическую* закономерную связь между средствами производства, продукцией и производительностью труда. Не подозревая того, т. Акуленко говорит самой вульгарной и апологетической буржуазной прозой“ (52—53 стр.).

Любезный критик, поистине Ваше усердие в посрамлении т. Акуленко превосходит Ваш разум. Ведь Прокопович же говорил о загнивании стран „старой европейской культуры“, я же оперирую данными САСШ.

Впрочем, суд моего критика короткий: вместе пойман, вместе и повешен...

Но может быть САСШ также испытывали депрессию за период 1904—1914 г.? Факты таковы: продукция ценовой промышленности САСШ за это десятилетие выросла с 14.794 мил. долл. в 1904 г. до 24.246 мил. долл. в 1914 г., т. е. на 63,5%; продукция чугуна выросла с 16,6 милл. дл. тонн до 23,3 милл. тонн, т. е. на 41%; продукция угля соответственно с 351,8 милл. тонн до 513,5 милл. тонн, т. е. на 46% и т. д. Наконец, по данным С. А. Фалькнера („Соединенные Штаты в мировом хоз-ве“ стр. 61) индекс *физического объема производства* вырос с 1899 г. по 1914 г. на 35% для сел. хоз-ва, на 102,6% для горной промышленности и на 71,4% для обрабатывающей промышленности.

Кстати сказать, если взять данные о динамике капиталов, продукции рабочих САСШ за период их наиболее бурного роста, т. е. за вторую половину XIX в., то придем к тем-же выводам об эффективности капиталовложений, что и на основании данных за период 1904—1914 г.г.

Я имею соответствующие расчеты и за этот период, но, чтобы не загромождать статьи очевидными доказательствами, отсылаю интересующихся к материалам американских цензов.

Резюмируем: сделанные мною „откровения“ о падении Р:С по мере роста С:V являются откровением только для безграмотного экономиста с большой претенциозностью. Опровергая эти выводы, Ф. В. прибегнул к замалчиванию ряда моих очевидных доказательств, дав невежественную трактовку другим доказательствам. Но мой критик не ограничивается только критикой, а пускается в положительные построения для доказательства *своего* положения о росте продукции на единицу капитала по мере роста механизации.

Ф. В. берет данные о народном доходе САСШ и четырех европейских стран, берет затем данные о народном имуществе этих стран, делит первое на второе... и торжествует, т. к. первое частное (для

САСШ) превышает второе. Ф. Винник оговаривается, что он оперирует стоимостями, между тем „несомненно, что „физический объем народного дохода в САСШ значительно превышает таковой же в З. Европе, *ввиду более низкого уровня американских цен*“ (стр. 57). Час от часу не легче: сперва Ф. В. вопреки буржуазным географам „открывает Америку“ в Европе (казус с Прокоповичем), потом „закон“ падения товарных цен за последние несколько десятилет, затем депрессию в САСШ за период 1904—1914 г.г. и, наконец, более низкий уровень цен в Америке, чем в Европе (выводы относятся к 1913 г.).

Я должен констатировать, что любой студент I курса ИНХ знает тот факт, что уровень товарных цен в САСШ до войны был *выше*, чем в Европе, что должно соответственно отразиться и на физическом объеме. Впрочем, уровню экономической грамотности моего критика отвечает и уровень его статистической грамотности. Достаточно сказать, что в качестве делителя Ф. В. взял *не производственные фонды* этих стран, а *все имущество*, в том числе жилой фонд, здания общественного пользования (школы, больницы и пр.), капитализированную стоимость земли и недр и т. д., и т. д.¹⁾

Я не говорю уже о том, что цифры народного имущества являются конструктивным исчислением, а не балансовым итогом, и потому оперировать ими можно было бы лишь при условии однородности метода исчисления для разных стран, что, как раз, и не имеет места в действительности.

С другой стороны, критик берет в качестве делимого народный доход, не обращая внимания на его качественную структуру. Между тем отдельные страны в силу различной структурности (пропорции сельского хозяйства, промышленности и транспорта; отраслевая структура промышленности и т. д.) относятся друг к другу, как например, химическая промышленность к текстильной. (Это возражение, по существу, относится и к $P:V$, но здесь поправка на структуру САСШ и Европы может только уточнять выводы, но не изменять их, так как динамика $P:V$ противоположна динамике $P:C$).

Этот статистический курьез бледнеет перед вторым статистическим перлом. Для доказательства того, что в САСШ продукция на единицу труда и капитала выше, чем в Европе, наш статистик делает такой кунштштук: берется народное имущество, что, по мнению Ф. В., соответствует производственным фондам; берется масса самодеятельного населения (в т. ч. бюрократия, армия, торговцы, буржуазия, прислуга, лица свободных профессий, безработные и т. д.), что должно соответствовать массе производительного труда²⁾. Затем все это, т. е. земля, мебель, рестораны, буржуазия, безработные и т. д., складывается и на полученный винегрет делится народный доход. После этого следует вывод: „По теории т. Акуленко в З. Европе с ее сравнительно низким органическим составом капитала, с более „благоприятным“ соотношением $C:V$ чистая продукция (P) на единицу $C + V$ (?) должна была бы

¹⁾ Например, в составе 200 млрд. долл. имущества САСШ на долю городской недвижимости и шахт приходилось около 77 млрд. долл.; на долю с.-х. недвижимости — 38 млрд. долл., на долю мебели и пр. 13 млрд. дол.; на запасы около 24 млрд. дол. и т. д.

²⁾ По этому поводу наш „марксист“ на 58 стр. пишет „Численность самодеятельного населения несомненно является мерой примененного производительного труда (в марксовом смысле слова), т. к. пропорциональность этих двух величин в общем „несомненна“. Рекомендую моему критику проработать первую книгу „Теории прибавочной стоимости“ Маркса для того, чтобы усвоить, что по Марксу, чем богаче страна, тем меньше ее производительное население по отношению к непроизводительному населению, т. е. тем меньше доля производительного населения в общей сумме самодеятельного населения.

быть наибольшей. Однако, жизнь жестоко смеется над пытающимися ее насилловать теориями". (58 стр.). Нужно, однако, отметить, что, повинувшись голосу чисто арифметической совести, мой критик сперва превратил людей в доллары, а затем уже соединил со зданиями, землей и пр. Делалось это, чисто библейское, таинство таким образом: считая, что пролетарий не лучше буржуа, француз не лучше англичанина, англичанин не лучше американца и т. д., принимая стоимость каждого из них за один доллар, наш „экономист“ благополучно претворяет 38 м. американцев в 38 м. долларов, а 78 м. европейцев в 78 мил. долларов... За этой статистической нелепостью идет чисто арифметическая нелепость: складывая 200 миллиардов дол. и 38 миллионов дол., наш „статистик“ получает 238 миллиардов дол.; то же при сложении 238 млрд. дол. и 78 миллионов дол. (78 млн. европейцев). Впрочем, частное получается такое, какое и нужно для посрамления мелко-буржуазного идеолога т. Акуленко. Об'ективному читателю я должен заметить, что я давал формулу P/CV , но никогда не давал формулы $PC + V$ ¹⁾. Здесь между прочим второй методологический прием моего критика: извращение моих мыслей и навязывание мне выдуманных нелепостей...

Что это так, разрешите продемонстрировать следующий абзац, тем более, что мой критик предлагает мне объяснить, как я увязываю здесь концы с концами.

„В одном месте“, повествует критик, „почти дословно воспроизводя формулировку Маркса, т. Акуленко пишет, что „в результате растущей механизации каждая единица продукции поглощает менее живого труда и, кроме того, содержит менее овеществленного труда, как в возмещение сношенной части примененного основного капитала, так и потребленных сырых и вспомогательных материалов. (Курсив Ф. В.). Тотчас же, вслед за этим, т. Акуленко единым духом формулирует свой закон падения продукции на единицу капитала. Мы предлагаем поэтому т. Акуленко показать, каким образом он увязывает падение продукции на единицу капитала с падением на единицу продукции той части стоимости, которая возмещает снашивание основного капитала“ (50 стр.).

Я бы с удовольствием выполнил Ваше предположение, любезный критик, если бы я когда либо говорил ту *нелепость*, которую Вы мне приписываете на глазах всех читателей. А между тем Вы пользуетесь этой нелепостью для доказательства своих абсурдных положений (см. стр. 50 предположений, абзац).

Моя формулировка говорит, что в результате механизации каждая единица продукции содержит менее живого труда и *менее овеществленного, как в возмещение амортизации, так и потребленного сырья*. Я говорил об уменьшении массы в единице продукции овеществленного труда *в целом, против массы амортизации плюс сырье*. А. Ф. Винник подчеркнул только одну часть целого „как“, игнорировав „так“, и у него получилось, что каждая единица продукта содержит *менее овеществленного труда в возмещение сношенной части примененного основного капитала“; плюс сырье — улетучилось...*

Предлагаю Ф. Виннику выбрать одно из двух: неумение читать, или умение передергивать чужие мысли.

¹⁾ Формула P/CV , которой я действительно соблазнил единого из малых сил, выражает ту аксиому политической экономии, что всякое народное хозяйство „стремится получать общественно-необходимую массу продукции ценою общественно-необходимых затрат“ (55 стр. „Хозяйство Украины). Поэтому $P \cdot CV$ является взвешенным результатом рядов $P \cdot c$, $P \cdot v$ и $C \cdot v$, т. е. строится, исходя из общественной потребности в данном продукте и имеющихся общественных возможностей (сумма рабочей силы и капитала).

В стихийном хозяйстве вся эта механика регулируется ценою и процентом.

Как же все таки происходит *общее* снижение в единице продукта элементов постоянного капитала? Путем снижения массы сырья и вспомогательных материалов при *росте* массы амортизации. Следует при этом подчеркнуть, что так как, по мере механизации, масса живого труда уменьшается *сильнее*, чем масса мертвого труда, *то доля постоянного капитала в единице продукта относительно увеличивается*. Обратимся по этим вопросам к Марксу, с которым наш критик обнаруживает более чем сомнительное знакомство.

„Повышение производительности труда заключается именно в том, что доля живого труда уменьшается, а *доля прошлого труда увеличивается*, а таким образом, что *общая сумма труда, заключающаяся в товаре, уменьшается*; следовательно, таким образом, *количество живого труда уменьшается больше, чем увеличивается количество прошлого труда*. Прошлый труд, воплощенный в стоимости товара — постоянная часть капитала — состоит отчасти из снашивания основного капитала, отчасти из оборотного постоянного капитала, входящего в товар целиком — сырого и вспомогательного материала. Часть стоимости, происходящая от сырого и вспомогательного материала, с развитием производительности труда, должна *сокращаться*, потому что производительность труда по отношению к этим материалам обнаруживается именно в том, что их стоимость понижается. *Напротив, наиболее характерным для повышения производительной силы труда является то, что основная часть постоянного капитала испытывает очень сильное увеличение, а вместе с тем увеличивается и та часть его стоимости, которая переносится на товары вследствие снашивания*“ (III т. ч. 1 — стр. 198).

В данном случае Маркс допускает даже возможность общего повышения в цене товара элементов сырья и амортизации за счет усиленного роста — именно амортизации.

Итак, по Марксу, по мере роста механизации переносимая часть основного капитала, т. е. сумма амортизации, в цене продукта увеличивается и относительно и абсолютно. Логическим следствием этого положения является тот факт, что по мере роста механизации, так называемая, „отдача капитала“ уменьшается, что и выражается в уменьшении количества продукции на единицу основного капитала¹⁾.

Мы говорили до сих пор о взаимоотношении основного капитала и рабочей силы; но эти же выводы целиком относятся и к взаимоотношению постоянного капитала и живой силы, так как по мере роста механизации, а следовательно и производительности труда, общая масса сырья в сумме всего постоянного капитала возрастает в темпах, приближающихся к темпам роста всей продукции. Иначе говоря, мы приходим к своему старому выводу, что по мере роста органического состава капитала повышается производительность труда рабочего и понижается „производительность“ единицы капитала, так как в единице продукции доля прошлого труда увеличивается и относительно и абсолютно.

Общественное выражение этого положения заключается в том, что „с прогрессом в производительности общественного труда, сопровож-

¹⁾ Эти же выводы мы встречаем и у С. Г. Струмилина в статье: „К проблеме эффективности капитальных затрат“, (Плановое Хозяйство № 7 1929 г. стр. 60). „Чем совершеннее с точки зрения современной техники то производственное вооружение труда, на которое мы обращаем наши капитальные затраты, тем меньше по общему правилу их эффективность на единицу капитала. Например, простой кустарь сапожник затрачивает меньше „капитала“ на пару обуви, т. е. работает в этом смысле „эффективнее“ крупной механической мастерской, ручное ткачество, по той же мерке „эффективнее“ фабричного“ и т. д.

даемым — как это и происходит в действительности — ростом постоянного капитала, на долю капитала, как такового, будет приходить также все большая часть годовичного продукта...“ (Маркс „Теории“ II том, 94 стр.).

„Этот закон постоянного увеличения постоянной части капитала по сравнению с переменной частью подтверждается на каждом шагу (как уже указано выше) сравнительным анализом товарных цен, будем ли мы сравнивать различные экономические эпохи у одной и той же нации или различные нации в одну и ту же эпоху. Относительная величина того элемента цены, который заступает лишь стоимость потребленных средств производства или постоянную часть капитала, вообще говоря, прямо пропорциональна... прогрессу накопления“. (Капитал I т. 495 стр.) Но в постоянном капитале основная часть растет сильнее, чем оборотная, и поэтому, по мере роста общественной продукции, благодаря механизации, еще более быстрым темпом растет производство средств производства, т. е. расширенное воспроизводство угля, чугуна, машин, строений и т. д. Следовательно, расширенное воспроизводство всей общественной продукции всякий раз покупается *еще более расширенным* воспроизводством элементов основного капитала. Это значит далее, что производительность общественного труда растет не в той мере, в какой развиваются отрасли с *наибольшей* продукцией на единицу капитала, а в той мере, в какой развиваются капиталоемкие отрасли с *понижающимся* выходом на единицу капитала, т. е. высоко-структурные отрасли, как тяжелая индустрия, транспорт, химия, электро-хозяйство и т. д. Об этом говорят цифры развития, как мирового х-ва, так и отдельных стран.

К указанным выводам мы приходим, оперируя как ценностными, так и количественными показателями. Действительно, если удельный вес продукции группы А (производство средств производства) в общей стоимости продукции повышается, то он повысится и в физическом объеме всей продукции, так как от деления продукции А и всей продукции на один и тот же индекс частное не изменится. Больше того, в силу неравномерности технического прогресса, стоимость продукции группы А удешевлялась более интенсивно, чем стоимость всей продукции (элиминируя общий момент снижения стоимости золота), следовательно, в физическом объеме удельный вес группы А в общей сумме общественной продукции еще более увеличивается.

Наоборот, если пойти за выводами моего критика, что по мере механизации в единице продукта масса амортизации снижается, то мы пришли бы к выводу о *снижении* во всем общественном продукте удельного веса группы А по мере хозяйственного прогресса. Это означало бы, что темпу народного дохода в 100—200—300% и т. д. соответствовал бы темп роста группы А (производство средств производства) в 80%—120%—150% и т. д. Конкретно, это значило бы, что в средневековые удельный вес производства средств производства в общей сумме общественной продукции был выше, чем в XX веке. Таковы абсурдные выводы схоластической учености...

Сравнивая меня с С. Н. Прокоповичем, мой критик говорит, что „люди, претендующие на принадлежность к марксизму, докатились ни больше, ни меньше, как до закона падающей производительности капитала промышленности“. Я должен, однако, констатировать, что Маркс нигде и никогда не отождествлял рост производительности общественного труда с ростом продукции на единицу капитала. Выводы же Маркса по этому вопросу сводились к тому, что, по мере роста механизации, по мере роста органического состава капитала, несмотря на

падение выработки на единицу капитала, растет производительность труда, которая выражается в том, что растущая сумма хозяйственных благ покупается ценою снижающихся затрат живого труда. Это положение механически повторяет и мой критик в последнем абзаце 57 страницы.

„Америка с ее *огромными капиталами* (курсив мой), массовой продукцией и относительной *незначительностью живого труда* блестяще подтверждает Марксову характеристику производительности труда“... Далее цитируется Маркс, где приводится только что высказанная мною мысль.

* * *

Я все же должен с удовлетворением констатировать, что Ф. В. передергивает не только меня, но и Маркса.

Доказывая, что стоимость машин возрастает слабее, чем стоимость продукции, мой критик приводит ряд цитат из Маркса, которые сводятся к тому, что „производство машин с помощью машины уменьшает ее стоимость пропорционально ее размерам и мощности“. (Маркс „Капитал“ т. III стр. 42).

Для иллюстрации характера цитирования моего критика скажем, что самую боевую цитату о пяти рабочих и т. д. (51 стр. 2 абзац № 3 „Х-ва Укр.“) мой критик взял из „Добавлений“ в III томе „Капитала“, где через 20—30 строчек формулируется *рост* доли основного капитала в единице продукта.

Для того, чтобы разобраться в ряде иногда внешне противоречивых мест „Капитала“ по вопросу механизации, остановимся на анализе двух моментов: момента растущей механизации и момента технического прогресса. Как раз эти моменты наиболее путаются нашим критиком.

Механизация, по Марксу, заключается в замещении живого труда машиной, т. е. в росте органического состава капитала (поправка на оборотную часть постоянного капитала ничего не изменяет).

Технический же прогресс заключается в замещении одной менее совершенной машины другой более совершенной, но равной по стоимости.

Если растущая механизация, что совпадает с растущим органическим составом капитала, возможна лишь при условии соответствующего технического прогресса, то наоборот, растущий технический прогресс возможен и при условии стабилизации данного уровня механизации. Действие технического прогресса в этом случае сказывается в том, что одна и та же машина, например, в 10 HP, стоящая 1000 дол. в 1880 году, будет стоить 500 долларов в 1900 году и 300 в 1915 г. Нужно только подчеркнуть во избежание недоразумений, что влияние технического прогресса на цены товаров лучше видно на коротком отрезке времени, чем на длинном, т. к. падение стоимости денег на данном отрезке времени, поднимая цены товаров, затушовывает видимое действие этого прогресса. Конечно, это затушовывание имеет чисто номинальный характер, а не по существу.

Так как влияние падения стоимости денег в одинаковой мере изменяет номинальную стоимость и основных капиталов и продукции, создаваемой ими, то в нашем схематическом исследовании мы можем элиминировать этот факт. (Маркс также в своих исследованиях исходил из постоянной стоимости денег).

Предположим наличие в 1880 г. двух машин: А — стоимостью в 1000 руб. и мощностью в 10 лошадиных сил и В — стоимостью в 3000 руб. и мощностью в (10 + X) HP. При условии равномерности

технического прогресса эти же машины могли стоить в 1914 г.: А — 333,3 руб. и В — 1000 руб. Иначе говоря, в 1914 г. за 1000 руб. можно было бы купить машину не в 10 НР, а более мощную в $(10 + X)$ НР. В результате выход продукции на единицу капитала увеличился бы в три раза.

Итак, действие технического прогресса сказывается в том, что капиталы одинаковой структуры дают различную массу продукции и различный выход продукции на единицу капитала, — напр., „А“ в 1880 г. и „В“ в 1914 г.; с другой же стороны, капиталы различной структуры могут дать одну и ту же сумму продукции на единицу капитала, — напр., капитал „В“ в 1880 г. и капитал „А“ в 1914 г. (везде имеем в виду физический объем продукции, а не стоимость).

Таково влияние технического прогресса. Но если в результате технического прогресса растет количество продукции на единицу стоимости капитала; если, напр., эффективность единицы капитала в 1914 г. может быть втрое выше, чем в 1880 г., то не менее правильно и другое положение, что в каждый данный период, независимо от существующего уровня технической культуры общества, капитал низшей структуры даст всегда большую „отдачу“, чем капитал высшего состава.

Действительно, хотя эффективность машин „А“ и „В“ в 1914 г. будет втрое выше, чем в 1880 г., но соотношение между этими машинами будет одно и то же: $A : B = 10 \text{ НР} + (10 + X) \text{ НР}$. Поэтому и в 1880 и в 1914 г. более мощная машина на единицу стоимости капитала даст меньшую продукцию, чем менее мощная.

В действительной же жизни мы имеем комбинированный результат этих двух процессов; иначе говоря, имеем параллельный взаимопереплетенный процесс, так сказать, экстенсивного роста техники (рост механизации за счет живого труда; рост механовооруженности труда), и второй процесс, так сказать, интенсивного роста техники (рост технического прогресса, культуры). С динамической точки зрения (а не статической) в результате интенсивного роста техники амортизация на единицу физического объема продукции имеет тенденцию абсолютно падать, но относительно расти; в результате же экстенсивного роста механизации амортизация имеет тенденцию расти и относительно и абсолютно.

Положение осложняется еще тем, что сплошь и рядом производство более мощной машины может идти в условиях еще более повышенной техники („техническая революция“) и тогда амортизация на единицу Р, несмотря на рост органического состава капитала, также будет падать, как и при стабильной механизации не растущей техники. Последний случай и имел Маркс в виду, когда говорил, что производство машины машиной удешевляет ее стоимость сравнительно с ее размерами и мощностью ¹⁾.

¹⁾ В III т. „Капитала“ в главе „Экономия в применении постоянного капитала“ Маркс говорит, что хотя стоимость основной части постоянного капитала с развитием труда в широком масштабе непрерывно возрастает, но возрастает далеко не в той же степени, благодаря непрерывному усовершенствованию машин. „На одной ступени технического развития плохая машина может быть дорога, на другой хорошая может быть дешева“.

Между прочим, возвращаясь к этому вопросу в „Теориях прибавочной стоимости“, Маркс говорит так: „Не подлежит никакому сомнению, что машины подешевели по двум причинам: благодаря применению машин в производстве сырых материалов, из которых состоят машины; благодаря применению машин при превращении этого материала в машины“. (194 стр. III том). Иначе говоря, удешевление машины явилось результатом технического прогресса. Но прогресс одно, а рост уровня механизации — другое.

Именно поэтому Маркс и говорит, что для капиталиста уже простая амортизация является расширенным воспроизводством, т. к. та же сумма денег превращается в более совершенное оборудование ¹⁾.

Таким образом, вполне допустим факт, когда вследствие исключительного роста технического прогресса составная часть стоимости, передаваемая средствам труда, относительно увеличивается (к общей стоимости продукта), но абсолютно уменьшается. Между прочим, к таким выводам приходит и Маркс, сравнивая цены на продукцию ремесленно-мануфактурного периода и цены машинных продуктов капиталистического периода. Эти выводы вполне понятны, если вспомнить приводимые Марксом примеры о том, что в наблюдаемом периоде только что установленная машина являлась уже морально изношенной вследствие изобретения более усовершенствованной. Я рекомендую моему критику изучить XIII гл. I т. „Капитала“ § 1 „Развитие машины“ и § 2 „Стоимость, отдаваемая машиной продукту“, чтобы понять настоящий смысл приводимых им цитат, а также для того, чтобы понять *границы применения всякой машины*.

Что же имеет место в реальной экономике? Благодаря *неравномерности* технического прогресса в исследуемый период, т. е. в период капитализма, экстенсивный процесс развития техники более чем обгоняет интенсивный, в результате чего масса амортизации во всем общественном продукте растет и относительно и абсолютно. Как уже указывалось, этим и объясняется, что расширенное воспроизводство общественного продукта покупается всякий раз ценою еще более расширенной продукции группы „А“, создающей элементы основного капитала ²⁾.

Такова логика живой жизни, целиком подтверждающая мои выводы о падении $P:C$ по мере роста $C:V$. Для того, чтобы меня не упрекнули в плагиате, я должен сказать, что эти выводы в свое время сделал К. Маркс.

Безнадежно путая рост механизации с ростом технического прогресса, мой критик говорит, что я докатился до закона падающей производительности капитала в промышленности. Действительно, положение человечества было бы безнадежно, если бы рост техники шел только экстенсивно.

При стабильности технического прогресса человечество стояло бы перед проблемой или повышения производительности труда ценой растущей механизации, т. е. ценой снижающейся продукции на единицу капитала, или производства общественно необходимой продукции хотя бы и менее производительным трудом. В обоих случаях — замедляющиеся темпы стареющего общества.

¹⁾ „Ежегодно часть средств труда отмирает“... „Если производительная сила труда развивается в тех отраслях, где производятся эти средства труда — а она развивается непрерывно с прогрессом науки и техники — то место старых машин, инструментов, аппаратов и т. д. заступают новые, более дееспособные и, сравнительно с размерами своей дееспособности, более дешевые. Старый капитал воспроизводится в более производительной форме, не говоря уже о постоянном изменении отдельных деталей в наличных средствах труда“... „Подобно тому как усиленная эксплуатация природного богатства достигается просто повышенным напряжением рабочей силы, точно так же наука и техника сообщают функционировавшему капиталу способность к расширению, не зависящую от его данной величины“ (Капитал I т. 478 стр.).

²⁾ Именно поэтому падение $P:C$ по мере роста $C:V$ лучше всего было бы исследовать в условиях твердых цен, постоянной покупательной способности денег и постоянного уровня техники. Т. к., в живой жизни эти условия как раз и отсутствуют, то я сознательно взял 10-тилетний отрезок времени для иллюстрации своих выводов о падении $P:C$ по мере роста $C:V$. Вполне понятно, что действие возмущающих причин на коротком отрезке времени будет слабее, чем на длинном.

Но дело в том, что рост изобретательства, рост технической культуры, временами целые „технические революции“, не нарушая действия только что формулированного закона о падении P/C по мере роста C/V со статической точки зрения, приводит к тому, что растущая масса продукции может покупаться абсолютно снижающейся массой постоянного капитала (с динамической точки зрения). Открытие интрамолекулярной энергии сведет затраты живого труда к бесконечно малой величине: бесконечно малой будет и доля амортизации в единице продукта, может быть меньше существующей американской в десятки и сотни раз; иначе говоря, „производительность“ единицы капитала увеличится в десятки и сотни раз, но и тогда, как и теперь, капитал более низкого органического состава даст большую продукцию на единицу капитала, чем высшего состава.

С точки зрения всего общества это проявится в том, что абсолютно масса амортизации в единице продукции упадет тогда во много раз (против существующей), хотя относительно она и вырастет.

У моего критика хватило благоразумия не отрицать того, что напр. в 1914 г. капитал в химической промышленности САСШ давал почти втрое меньшую продукцию на единицу стоимости, чем капитал текстильной промышленности. Иначе говоря, мой критик не отрицает того, что в каждый данный момент различные отрасли дают различный выход продукции на единицу капитала в силу различной структуры капитала. (Впрочем, неравномерность технического прогресса может изменять эти соотношения в ту или другую сторону). Так вот, в результате роста техники возможен такой парадокс, когда капитал машиностроительной промышленности, например, в 1940 г. будет давать больший выход продукции на единицу капитала, чем текстильная промышленность в 1914 г., и наоборот, рост механизации текстильной промышленности, несмотря на рост техники, приводит к тому, что текстильная индустрия даст в 1914 г. меньший выход на единицу капитала, чем машиностроение во второй половине XIX в.

Кстати сказать, я формулировал закон падения P/C по мере роста C/V не только для одной какой либо отрасли, но и для разных отраслей с различным составом капитала. По поводу второй части моей формулировки мой критик предпочел умолчать, как умолчал он и по поводу примеров, заимствованных мною у т. Калмановского.

Во избежание возможных недоразумений, я должен оговориться, что моя формулировка предполагает „прочие равные условия“. Последняя оговорка относится к скорости производственного оборота. Оговорка о равных условиях в отношении скорости оборота относится ко второй части моей формулировки. Нужно впрочем заметить, что если процесс производства не прерывается, как это имеет место в сельском хозяйстве или в сахарной промышленности, а имеет место круглый год, то скорость оборота не вносит ничего возмущающего в нашу формулировку. Действительно, скорость оборота скажется в этом случае только на сроках выхода продукции, но не на сумме годовой продукции.

В приводимой у меня таблице я оперировал как раз данными, взятыми в годовом разрезе, и потому мог элиминироваться от момента скорости оборота. И это нужно признать правильным, т. к. техническая структура капитала (отношение постоянного капитала к числу рабочих) будет одинаковой как для одного оборота капитала, так и для годичного оборота.

Итак, вопреки „старому зубру“ Прокоповичу, последующие затраты капитала необычайно повышают производительность общественного труда, что и выражается в том, что растущая продукция покупается всякий

раз меньшими затратами живого труда; но, вопреки нашему горе-марксисту, эта растущая производительность обуславливается еще более быстрым темпом роста средств производства, что и выражается в относительном росте элементов основного капитала в единице продукта, т. е. в падении выхода продукции на единицу капитала. Но именно поэтому повышение органического состава против общественно-необходимого уровня (при P/CV), повышая *при известных условиях* норму и массу накопления, т. е. усиливая темп, приводит к нарушению рыночных пропорций, т. е. к товарному голоду.

Прочитав эти выводы, наш критик опять может вспомнить своих анекдотических индейцев, которые „иногда смеются, иногда нет — от них зависит“. Действительно, у Маркса масса амортизации по мере роста механизации то растет, то падает.

Начетчик „марксист“, заучивший отдельные цитаты из „Капитала“ вне связи со всем контекстом, „марксист“, не усвоивший метода Маркса, способен только дискредитировать колоссальное наследие Маркса в глазах буржуазной экономической мысли. Но еще более извращенные выводы мы встретим у нашего критика по *вопросу о взаимоотношении производительности труда, стоимости и физического объема продукции*.

* * *

Где создается наибольшая масса прибавочной стоимости на единицу капитала, в отраслях и предприятиях с пониженным составом капитала или с повышенным?

Я писал: „Согласно обычному представлению, наиболее эффективными отраслями в деле создания прибавочной стоимости являются отрасли с понижающимся составом капитала и растущей скоростью оборота. Отсюда за абстрактными схемами Маркса большинство его интерпретаторов делало вывод, что наибольшая масса прибавочной стоимости создается в отраслях нижесреднего органического состава капитала, перекачиваясь, однако, в отрасли вышесреднего состава в порядке образования прибыли. Отсюда вывод о большем капиталобразующем значении первых отраслей, чем вторых“. С моей же точки зрения, факт растущей производительности труда по мере роста органического состава капитала вносит *решающие коррективы* в схематические расчеты Маркса. Исходя из марксистской теории стоимости, исходя из того, что стоимость создается человеческим трудом, а не машиной, я утверждал и утверждаю, что *отрасли с вышесредним составом капитала реализуют свою прибыль не столько в порядке перекачки прибавочной стоимости из отраслей нижесреднего состава, сколько в порядке обычных рыночных законов ценообразования, по сколько более производительный труд против средне-общественного уровня оценивается, как более интенсивный*. В качестве иллюстрации я привел тот факт (а факты упряма вещь), что в 1914 г. 28 мил. человек, занятых в промышленности, сельском хозяйстве и транспорте САСШ, создали чистую продукцию в 66,4 млрд. руб., т. е. столько же, сколько создало рабочее население Англии, Франции, Германии и Австро-Венгрии. Разгадка этого явления не в перекачке в САСШ прибавочной стоимости из Европы с ее пониженным против Америки техническим составом капитала, а в том, что американская продукция, произведенная *более производительным трудом, расценивается по нормам общественно-необходимого труда всего мирового хозяйства в целом*. В дополнение к этому факту могу ска-

зять, что, по подсчетам проф. Фалькнера, накопление в САСШ в этот период — равнялось приблизительно 40% всего мирового накопления.

Наш схоластик, боясь потерять свою „марксистскую“ невинность, прячется от фактов — „вульгарной действительности“, где *один американский рабочий создает стоимость, равную стоимости 3-4 европейских рабочих*. Больше того, трижды цитируя этот мой абзац, критик трижды благоразумно останавливается перед „потому что“, т. е. перед положением о более производительном труде, как более интенсивном¹⁾. Наоборот, прочитав эти выводы и не обладая достаточным уровнем марксистской грамотности, чтобы *объяснить* эти факты, наш критик просто *отрицает* их, демонстрируя знание лишь первой главы первого тома „Капитала“. Почти дословно воспроизводя формулировку I гл., он пишет, что „*определенное количество труда, независимо от его производительной силы, создает одну и ту же стоимость*“, хотя и различное количество продуктов (46 стр.). И дальше: „Утверждение, что при одинаковой норме эксплуатации рабочего одинаковые капиталы различного состава смогли бы дать одну и ту же массу прибавочной стоимости, будучи логически продолжено, приводит к выводу, что *стоимость* и ее частный случай — прибавочная стоимость — создается не только трудом, ибо различные количества труда могут создавать — по Акуленко — одинаковую массу стоимости“.

К сожалению для моего критика, различные количества труда могут создавать одинаковую массу стоимости не только по Акуленко, но и по мнению всех более грамотных марксистов, чем мой оппонент. Чем объясняется этот парадокс? Предоставим слово Марксу.

Маркс говорит, что если на национальном рынке более интенсивный труд создает большую стоимость только по сравнению с трудом *средней* интенсивности, то на мировом рынке более интенсивный национальный труд производит в равное время большую стоимость по сравнению с менее интенсивным. „Но закон стоимости в его интернациональном применении претерпевает изменения еще более значительные благодаря тому, что на мировом рынке более производительный национальный труд принимается в расчет тоже как более интенсивный, пока конкуренция не принудит более производительную нацию понизить продажную цену ее товара до его стоимости“.

„Следовательно, различные количества товаров одного и того же вида, производимые в различных странах в равное рабочее время, имеют не одинаковые интернациональные стоимости“.

По этому поводу в „Теориях etc.“ говорится: „подобно тому, как внутри страны квалифицированный труд, сложный труд относится к неквалифицированному, простому труду, так могут относиться друг к другу рабочие дни различных стран (3-й т. 196 стр.). Отсюда логически вытекает, что номинальная заработная плата одного рабочего в стране высшей производительности труда будет выше, чем в стране нисшей производительности, хотя цена труда в стоимости продукта будет выше как раз во второй стране“ (I т. 437-38 стр.). Иначе говоря, если американский рабочий получает заработную плату в среднем в 3-4 раза выше, чем европейский, то лишь потому, что стоимость, создаваемая американским рабочим в 1 день, неделю и т. д., превышает стоимость, создаваемую европейским рабочим, не менее чем в 3-4 раза. (Большая квалификация европейского рабочего — компенсируется большей интенсивностью американского рабочего, работающего на стандартных машинах).

¹⁾ „Х-во Укр.“ № 3 стр. 47 первый абзац; стр. 57 первый абзац; стр. 58 последний абзац.

Итак, не только по Акуленку, но и по Марксу одинаковые затраты труда могут создавать в равное рабочее время не только разные количества товаров, но и разные стоимости.

Но может быть более производительный труд оценивается как более интенсивный, как потенцированный (умноженный) труд, *только* в мировом х-ве? Если бы даже это и было так, то этим лишь суживалась бы сфера действия только что формулированного закона, но не отрицался бы сам закон. Но вопрос так и не стоит, так как и на *национальном рынке более производительный труд принимается в расчет как более интенсивный*.

По этому поводу уже в первом томе „Капитала“ Маркс говорит следующие „чудовищные истины“.

„Труд исключительно *высокой производительной силы функционирует как умноженный труд, т. е. создает в равные промежутки времени стоимость большей величины, чем средний общественный труд того же рода*“ (том I отд. IV — 237). И дальше: *машина производит относительную прибавочную стоимость, так как „превращает труд, применяемый владельцем машины, в потенцированный труд (труд повышенной степени), поднимает общественную стоимость машинного продукта выше его индивидуальной стоимости“*... (т. I отд. IV стр. 39).

А наш горе-марксист, борясь с моими „откровениями“, твердит: „определенное количество живого труда, независимо от его производительной силы, создает одну и ту же стоимость“.

Таковы „теоретические шалости“ Маркса, — то-бишь, Акуленко. Наш горе-марксист вопиет: „если это и марксизм, то весьма своеобразный марксизм, поставленный на голову, марксизм дыбом“ (64 стр.). В свою очередь Маркс, отгораживаясь от „марксистов“ à la Винник, говорит „Je ne suis pas marxiste“ (Я не марксист).

Правда, Маркс замечает, что по мере того как машина приобретает в известной отрасли производства всеобщее распространение, общественная стоимость машинного продукта понижается до его индивидуальной стоимости, и тогда начинает обнаруживать свое действие тот закон, что прибавочная стоимость происходит не от тех рабочих, которых капиталист заместил посредством машины, а наоборот, от тех рабочих сил, которые он при ней применяет“. (1 т. 309).

Таким образом, и в национальном хозяйстве более механизированный труд, т. е. более производительный, принимается в расчет как труд повышенной степени, пока конкуренция не заставит снизить стоимость машинизированного продукта до его индивидуальной стоимости (тоже и для мирового хозяйства). Итак, *в одной и той же отрасли* рабочий с лучшей технической вооруженностью создает большую стоимость, чем рабочий со средне-общественной вооруженностью, пока конкуренция в результате *усиления механизации* прочих предприятий не снизит уровня общественно-необходимого труда в данной отрасли в целом. Аналогичное явление имеет место не только в одной отрасли между предприятиями различного технического состава, но и между *отдельными отраслями* (сел. х-во, транспорт, промышленность и проч.).

Действительно, Маркс не различал в этом смысле предприятия от отраслей: „Специальная производительность труда в *известной специальной отрасли* производства, или в известном отдельном предприятии этой отрасли... *дает возможность отдельной отрасли* получить добавочную прибыль по сравнению со всем капиталом или отдельному капиталисту по сравнению со всей его отраслью“ (146 стр. III т.).

Но производительность труда повышается по мере роста механизации, при том в большей мере, чем растет *весь* капитал (но не на одного

рабочего). Отсюда вытекает, что рабочий в отраслях хозяйства более механизированных создает большую стоимость, чем в отраслях менее механизированных. Это отражается на различном уровне заработной платы рабочих различных отраслей даже в одной стране (в силу своеобразия нашей экономики последний вывод относится к чисто - капиталистическим странам где растущая производительность труда каждого звена используется *всем* обществом, а не отдельными его частями¹⁾).

В свою очередь, капиталист продает продукцию отраслей выше-средней механизации не только по цене выше цены ее производства, но даже по цене выше ее стоимости; он реализует добавочную прибыль не столько в порядке перекачки прибавочной стоимости из отраслей ниже-среднего состава, сколько в порядке *индивидуального* присвоения себе всех выгод повышенной *общественной* производительности труда. Эта монополия более механизированных отраслей в условиях менового хозяйства могла бы быть и может быть уничтожена только по мере роста механизации отсталых отраслей. Но для капитализма как раз свойственна не нивелировка механизации отдельных отраслей общественного хозяйства, а наоборот, *неравномерное* межотраслевое распространение технической вооруженности. Независимо от чисто *логической* *неравномерности* C/V в отдельных отраслях.

Физик, исследуя закон падения тел, помещает тела в безвоздушное пространство и приходит к выводам, что все тела, независимо от формы, объема и веса с одинаковой скоростью падают к центру земли. Но переходя от абстрактной среды в эмпирическую, тот же физик вносит ряд коррективов на давление воздуха, ветер и пр., так как только *коррективы* позволяют объяснить почему бумага падает иначе, чем чугун. Метод Маркса — метод физики, и горе тому „марксисту“, который, заучив некоторые абстрактные закономерности, но не усвоив метода Маркса, пускается в анализ конкретной экономики.

Почему по Марксу более производительный труд создает в равное время большую стоимость, чем менее производительный, если, по тому же Марксу одинаковые затраты человеческого труда *должны* создавать одинаковую стоимость, независимо от технической вооруженности труда?

Маркс безукоризненно логичен и последователен, когда дает эти две формулировки, так как в одном случае он исходит из предпосылки абсолютной свободы движения людей и средств труда, а в другом он уже вносит *коррективы*, вытекающие из условий конкретной действительности. Для вульгарного же экономиста это „марксизм дыбом“. Проследим за логическим развитием этих идей у Маркса, хотя бы нам и пришлось странствовать от 1 т. „Капитала“ к последнему.

Предположим обществосамостоятельных товаропроизводителей. В этом обществе стоимость всякой полезности определяется количеством общественно-необходимого рабочего времени для ее изготовления. Заметим, что по Марксу „общественно-необходимое время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой либо потребительной стоимости при наличных *общественно-нормальных условиях производства* и при среднем, в данном обществе, уровне умелости и интенсивности труда“.

¹⁾ В своей статье я писал: „Различная производительность труда в отдельных отраслях с неодинаковым техническим составом капитала отражается соответственно на зарплате, что приводит к кажущемуся парадоксу, что в тяжелой индустрии, (с более высоким техническим составом) органический состав капитала ниже, чем в легкой. Действительно, по подсчетам Гинзбурга в группе „А“ американской промышленности на единицу капитала приходится 0,25 единиц зарплаты, а в группе „В“ только 0,20 единиц (56 стр.).

Пolemическая честность моего критика такова, что он предпочитает умалчать о невыгодном для себя факте.

Лапотник, создавая в день 20 пар лаптей, оперируя одним ножом создает в один день ту же стоимость, что и его приятель ткач, вооруженный механическим станком (при условии одинаковой степени квалификации и интенсивности труда). Это так и будет при условии, что и лапотник и ткач затрачивают общественно-необходимое время, т. е. работают при общественно нормальных условиях производства этих отраслей. Если бы лапотник получал за день своего труда полудневную стоимость ткача, то при *прочих равных условиях*, он перешел бы в категорию ткачей, *конкуренция* восстановила бы действие закона стоимости.

Но каковы эти „прочие равные условия“ и каковы условия стопроцентного действия закона конкуренции? Это — абсолютная свобода и легкость переквалификации и свобода и легкость выбора технического вооружения. Только при этих условиях *общественная стоимость* продукта ткача и лапотника совпадала бы с *индивидуальной стоимостью* их продуктов, которая как раз и определяется общественно-необходимым трудом, т. е. трудом необходимым по условиям производства в каждом из этих производств. Но если переквалификация представляется делом не таким уже свободным и легким, то еще менее от воли нашего лапотника зависит замена ножа механическим станком.

Повторяем, если бы люди были свободны в выборе своего технического вооружения, то, при условии свободы переквалификации, человеческий труд в равное время производил бы равную стоимость, хотя и различное количество полезностей. Но уже первое из этих условий более чем проблематично для ряда общественных групп. В результате этого *выгоды повышенной механизации в отдельных отраслях*, т. е. выгоды от растущей производительности *общественного* труда используются *отдельными* группами населения далеко не равномерно: группы трудящихся с повышенной вооруженностью присваивают наибольшую массу общественной стоимости, так как общественная стоимость машинного продукта расценивается выше его индивидуальной стоимости в той мере, в какой уровень механизации данной отрасли превышает средне-общественный уровень механизации.

Итак, уже в обществе самостоятельных товаропроизводителей, более производительный труд (более механизированный) оценивается как более интенсивный, т. е. сравнительно с менее производительным трудом в равное время создает большую стоимость, так как мерилom стоимости в первом случае является не общественно-необходимый труд этой отрасли, а труд пониженного масштаба. Здесь нет *перекачки* стоимости, хотя и есть *эксплуатация*; налицо — неравномерное использование выгод растущей производительности *общественного* труда в силу неравномерности межотраслевого распределения элементов постоянного капитала и более чем ограниченных возможностей его перераспределения. Конкуренция смогла бы устранить это явление, а следовательно, восстановить 100%-е действие закона стоимости только в том случае, если бы был нивелирован уровень механизации в отдельных отраслях, как это бывает внутри отдельной отрасли между отдельными предприятиями (или, если бы существовала абсолютная свобода выбора орудий производства).

Перейдем к капиталистическому хозяйству.

Капиталиста вообще не интересует вопрос об эквивалентности трудовых затрат, так как он тратит не свою, а чужую силу; его интересует норма прибыли.

И если капиталист располагает относительной свободой в выборе капиталов и рабочей силы, если здесь может быть больше места для

конкуренции (только не в период монополизма и трестирования), то эти факторы выравнивают цену товаров сообразно не их стоимости, а сообразно издержкам производства. Поэтому и здесь более производительный труд расценивается как более интенсивный, правда, в *пределах*, не нарушающих действия тенденции к образованию средней нормы прибыли.

Больше того, капиталист вообще стремится выйти за рамки средней нормы прибыли путем еще большего повышения производительности труда (сюда как раз и относятся вышеприведенные цитаты Маркса о машинном труде). Однако конкуренция всякий раз стремится свести цену товара к стоимости издержек производства, всякий раз приравнивая стоимость, создаваемую более производительным трудом, к стоимости, создаваемой этой же величиною капитала при среднем в данной отрасли уровне производительности труда.

Такое действие конкуренции, по Марксу, проходит тем быстрее и легче, чем подвижнее капитал и чем подвижнее рабочая сила. В пределах мирового хозяйства существует больше препятствий для движения людей и капиталов, чем в национальном хозяйстве, и потому Маркс и подчеркивает ту модификацию закона стоимости, о которой говорилось выше (Подробнее этот вопрос трактуется в нашей работе „Проблема мирового хозяйства“ Труды научно-исследовательской кафедры по экономике. Стр. 87—124).

Обратимся после этого к логически стройным схемам Маркса уже в III т. „Капитала“. Исходя из того, что товары продаются *по своим стоимостям*, т.-е. взяв вначале, подобно физику, идеальную среду, Маркс говорит: „Производимые различными капиталами массы стоимости и прибавочной стоимости, при *данной стоимости* (Nota bene!) и одинаковой степени эксплуатации рабочей силы, прямо пропорциональны величинам переменных составных частей этих капиталов“. (1 т, 227 стр.).

Для марксиста-схоластика этим уже сказано все; буржуазный же экономист недоумевающе разводит руками, так как в действительности всякая механизация дает сверхприбыль, не затрагивая *уже существующих* прибылей и доходов в менее механизированных предприятиях (т.-е. не перекачивая оттуда прибавочной стоимости).

Но вот появляется третий том „Капитала“. Логически последовательный исследователь, Маркс исходит вначале из только что высказанных положений. В III гл. 1 книги, рассматривая отношение нормы прибыли к норме прибавочной стоимости до *процесса образования общей средней прибыли*, Маркс говорит, что „исследование движется сначала в *чисто математической области*“.

В этом исследовании Маркс исходит из того, что капитал $80c:20v$ при 100% норме эксплуатации создает 20 m, капитал $90c:10v$ создает уже 10 m и т. д. (Эти формулы „специально для т. Акуленко“ любезно демонстрировал мне мой критик). Короче говоря, т. к. стоимость создается переменной частью капитала, то чем выше органический состав данного капитала, тем меньше масса прибавочной стоимости. Но... (слушайте, слушайте, т. Винник).

„В нашем исследовании, говорит Маркс, надо обратить внимание, между прочим еще на ряд других факторов, которые определяющим образом воздействуют на величину *c, v и m*... „Во-первых, *стоимость денег*. Ее мы можем принимать повсюду постоянной. Во-вторых, оборот, этот фактор мы оставим пока в стороне“.

Дальше — продолжительность рабочего дня, интенсивность труда и заработная плата: „ради *упрощения*“ мы всегда исходили из предпо-

ложения, что эти три фактора остаются *постоянными*¹. Предполагая постоянность этих условий, Маркс исходит для простоты анализа также из *постоянности производительности труда*, несмотря на рост органического состава капитала. Предоставим слово Марксу.

„В-третьих, *следует принять во внимание производительность труда* (курсив Маркса), влияние которой на норму прибавочной стоимости подробно исследовано в книге 1, отд. IV“... „В этом отделе мы все еще исходим из предположения, что товары производятся при общественно-нормальных условиях и продаются по своим стоимостям (т.е. индивидуальными стоимостями, а не общественными В. А). Следовательно, в каждом единичном случае мы исходим из предположения, что *производительность труда остается постоянной*“¹). Логически развивая отправное положение, что прибавочная стоимость создается переменной частью капитала, Маркс вводит ряд усложняющих коррективов. Однако, и во втором отделе, анализируя образование средней нормы прибыли, Маркс исходит все еще из положения, что капитал состава $80c-20v$ создает $20m$; $90c-10v-10m$; $95c-5v-5m$, т.е. Маркс исходит из первой предпосылки, что единица живой силы „все еще“ создает одинаковую стоимость, несмотря на рост органического состава капитала.

Но „Маркс ведь в самом начале своего исследования подчеркивал, что капитал, вложенный в известную отрасль промышленности, своим составом по стоимости, т. е. определенным отношением переменного к постоянному капиталу, всякий раз выражает определенную степень производительности труда“..., „и потому мы довольно часто будем иметь возможность наблюдать, что изменение, совершающееся с факторами c, v и m , предполагает в то же время и изменения в производительности труда“.

Больше того, уже в „Добавлениях“ в III отд. III т. Маркс сам дает формулировки, приводимые нами выше, где уже *учитывается* факт растущей производительности механизированного труда, который отражается в том, что „машина создает прибавочную стоимость (sic), превращая механизированный труд в потенцированный труд“...

Внося „решающий корректив“ на производительность труда, я довел до логического конца схематический расчет Маркса (но не выводы Маркса, сделанные им самим), солидаризируясь с Марксом, что *более производительный труд создает большую стоимость, чем менее производительный*. Прочитав эти выводы, наш критик пишет: „Вэтой цепи рассуждений нагромождено столько ошибок и курьезов, что не знаешь с чего начать. Повидимому, „решающих коррективов“ требуют не схематические расчеты Маркса, а теоретическая беззаботность тов. Акуленко“...

Впрочем, не начетчику-схоласту найти нить Ариадны в колоссальном наследии Маркса.

Подведем итоги. Нужно признать, что по мере роста *средне-общественного уровня* механизации растет производительность общественного труда в целом, которая выражается в том, что ценою затрат одной и той же суммы труда покупается растущая сумма потребительских благ. Количественный рост благ может сопровождаться даже снижением массы стоимости этих благ в силу изменения самого мерила стоимости—общественно-необходимого труда.

¹) Прочитав у меня это место, наш начетчик - „марксист“ пишет: утверждение будто Маркс исходил из одинаковой производительности труда рабочих в отраслях с различной структурой капитала, способно рассмешить мертвеца“. ....„Это противостественное сочетание, и приписывать его Марксу означает с больной головы валить на здоровую“ (46 стр. „Х-во Украины“).

Тем не менее, независимо от того или другого *средне-общественного уровня* механизации, труд в отраслях и предприятиях с выше-средним составом капитала создает большую стоимость, чем в отраслях и предприятиях ниже-среднего состава. Этот труд расценивается как потенцированный, сложный труд. Соответственно с этим такие отрасли реализуют, во-первых, повышенную прибавочную стоимость и, во-вторых, оплачивают своих рабочих значительно выше, чем отрасли ниже-среднего состава ¹⁾. При этом мы имеем такого рода кажущиеся парадоксы: несмотря на то, что американский рабочий может эксплуатироваться сильнее европейского, зарплата первого может 2—3 раза превышать и зарплату и прибавочную стоимость, создаваемую вторым; поэтому, с точки зрения эквивалентности европейского рабочего, американец не только не эксплуатируется, а еще получает откуда то сверх-стоимость. Вульгарные буржуазные экономисты, как и схоласты-марксисты, приходят к выводу, что стоимость создана машиной. Тогда как на самом деле, имеет место простое изменение масштаба измерения трудовых затрат.

Этим, конечно, *далеко не отрицается* перераспределение прибавочной стоимости между отраслями, так как далеко не всегда производительность труда повышается в одинаковой мере параллельно механизации предприятия, т. е. параллельно росту капитала. (Последнее происходит только когда растущая механизация имеет место в условиях своего рода „технической революции“).

Но из того факта, что более механизированный труд является более производительным, как раз и вытекает другой факт—*рост нормы накопления*. Прибегая к обычному своему приему—передергивания цитат—критик говорит, что „Маркс на этот счет держался другого мнения“. Посмотрим. Что такое, „норма накопления“?—Доля прибавочного продукта в чистом продукте (М/Р.). Иначе говоря, *норма накопления есть норма прибавочной стоимости*. И как раз именно Маркс, говоря о машинах, всякий раз подчеркивает рост нормы прибавочной стоимости (в основном относительной и лишь отчасти абсолютной) ²⁾.

Больше того, Маркс рассматривал этот рост М/Р, как фактор, который хотя и не уничтожает закона падения нормы прибыли, „но делает“ то, что этот закон обнаруживается скорее как тенденция, т. е. как закон, абсолютное проявление которого задерживается, замедляется и ослабляется противодействующими обстоятельствами. Но так как те самые причины, которые *повышают норму прибавочной стоимости* (речь идет о механизации. В. А.) имеют тенденцию уменьшать количество рабочей силы, то одни и те же причины имеют тенденцию уменьшать норму прибыли и замедлять процесс этого уменьшения“ (III т. 176 стр.). Так обстоит дело и по стоимости и тем более по физическому объему.

Между тем выводы мои о росте нормы накопления Ф. В. объясняет „необычайной легкостью в мыслях“, чьих: моих или Маркса?

¹⁾ Между прочим, это значит, что не только с точки зрения физического объема, т. е. материальных предпосылок, но и с точки зрения финансовых предпосылок обобществленный сектор нашего хозяйства по мере роста в нем производительности труда все в большей и большей мере черпает ресурсы для расширенного воспроизводства из самого себя, а не путем перекачки ресурсов из технически отсталых отраслей (индивидуальное сельское хозяйство и т. д.). Больше того, благодаря политике снижающихся цен выгоды от растущей производительности труда обобществленного сектора в известной мере передаются и отсталым отраслям народного хозяйства.

²⁾ „Относительная прибавочная стоимость прямо пропорциональна производительной силе труда, она повышается с повышением и падает с понижением производительной силы труда“. (Капитал I т. 238 стр.).

Переходим к *норме прибыли*. Если норма накопления есть отношение массы прибавочного продукта к чистому, то норма прибыли есть отношение массы прибавочного продукта к стоимости постоянного капитала.

В *мартовской* книжке „Х-во Украины“ я говорил так:... „по мере роста затрат капитала на единицу живой силы растет производительность труда, повышается выработка на единицу рабочей силы, падают издержки производства на единицу продукта, *растет норма и масса прибавочного продукта*“ (50 стр. „Х-во Украины“). В *февральской* книжке „Планового Хозяйства“ на 153 стр. эта же самая формулировка заканчивается: „*растет норма прибыли*“.

Таким образом, критикуя обе статьи можно было бы обратить внимание на более точную редакцию в „Хозяйстве Украины“. Я умышленно изменил первую редакцию, так как она могла вызвать придиришки начетчиков, для которых важна форма, а не содержание. Но сущность формулировки от этого не изменилась. Во избежание же недоразумений, в № 4 „Планового Хозяйства“ я сделал *оговорку*, что „оперируя понятием „стоимости“ в ряде случаев нужно исходить из предпосылки твердой оценки“, т. е. из физического объема. Для вдумчивого читателя этого достаточно. Но наш критик-прокурор истерически кричит, что я отрицаю Марксов закон о тенденции к падению нормы прибыли (измеряя прибыль стоимостью). „Чувствует ли т. Акуленко, на что он замахнулся в своем теоретическом кружении?“—Чувствую.

Чрезвычайно интересен тот прием критики, к которому прибегает Ф. Винник. Трактую *вторую часть* моей формулировки о падении P/C , по мере роста C/V , он говорит, что этот закон правилен в отношении стоимости, но неправилен в отношении физического объема, „а судя, однако, по целому ряду признаков, имеется в виду физический объем продукции“ (поэтому Ф. В. предпочитает брать физический объем). Трактую же *первую часть* моей формулировки о росте нормы „прибыли“ по мере роста C/V , поднимая истерику об аналогии капитализма, наш критик подменяет физический объем (в отношении которого формулировка правильна) стоимостью. Между тем один и тот же закон в обоих его частях, я, „судя по целому ряду признаков“, *относил именно к физическому объему продукции*. Я все же нахожу неудачным конец первой своей формулировки (в № 2 „План. Х-ва“) вот по каким соображениям. В наших условиях, как правило, большую часть выгоды от растущей производительности труда получает не данная отрасль, а все общественное хозяйство в целом благодаря снижению цен. Накопление происходит в форме освобождения той части доходов потребителя, которая раньше оплачивала розницу в более дорогой цене; „получается то же самое, как если бы накоплен был новый капитал“... („Теории“) II т. 213 стр.)¹⁾.

Нужно, признать правильность старой моей формулировки даже по отношению к стоимости, но действие этого закона будет тогда ограничено теми условиями, которые имел в виду Маркс. Именно, капиталист реализует *добавочную прибыль* по мере роста механизации лишь в той мере, в какой индивидуальная стоимость его товара превышает общественную стоимость (I т. 309 стр. и III т. 201 стр.).

Вот тот метаморфоз, который „претерпевают основные построения марксизма, пройдя через творческое горнило т. Акуленко“. Переходим

¹⁾ При трактовке проблем советской экономики приходится оперировать двумя методами: ценностным и натуралистическим. Возможно, что оперируя этими двумя методами я не всегда четко оговаривал переход от одного к другому. Это и видят более вдумчивые критики.

к третьему своему „откровению“, являющемуся, по мнению моего критика, „квинт-эссенцией“ моей теории, имеющей целью сокрушить генеральную линию партии...

* * *

Доказывая, что повышение механизации общественного труда *может быть выгодным* для народного хозяйства с точки зрения накопления, а следовательно с точки зрения темпа, хотя бы оно и вело к временным рыночным диспропорциям, я писал: „Тем не менее, повышение органического состава капитала за известные пределы, строго индивидуализированные для каждой страны, может не только не увеличить возможную для данного капитала *массу* прибавочной продукции, а и понизить ее. Иначе говоря, не всякая степень механизации, экономически целесообразная в одной стране, может дать такой же эффект в другой стране. Поэтому, отсталая страна сможет получить при данном объеме капиталовложений не только большую массу чистой продукции, но и большую массу прибавочной продукции, далеко не при самом совершенном производстве передовых стран“ (56 стр. „Х-во Украины“).

Для ура-индустриализатора есть от чего прийти в панику.

По вопросу о степени выгоды или невыгоды машины Маркс имел такие суждения.

„Если производство известной машины стоит такого же количества труда, какое сберегается ее применением, то происходит просто перемещение труда, т. е. общая сумма труда, необходимого для производства товара, не уменьшается, или производительная сила труда не возрастает. Однако, разница между трудом, которого стоит машина, и трудом, который она сберегает, или степень ее производительности, очевидно, не зависит от разницы между ее собственной стоимостью и стоимостью того орудия, которое она замещает“.

Как видно из изложенного, Маркса интересовало в основном соотношение массы замещаемого живого труда и труда передаваемого машиной, но вовсе не соотношение стоимостей, передаваемых обоими машинами—новой и старой. Масса амортизации на единицу P —может расти (а следовательно масса P на единицу C падать), но если амортизация растет слабее, чем падает стоимость замещаемой рабочей силы, то машина выгодна.

Иначе говоря для Маркса „производительность машины измеряется той степенью, в которой она замещает человеческую рабочую силу¹⁾. В этом, очевидно, и сравнительный критерий народно-хозяйственной выгоды двух машин. Из этого и вытекает, что в силу неравномерности развития капитализма в отдельных странах и даже отдельных районах и отраслях одной и той же страны машина, выгодная в одном секторе, будет невыгодной в другом.

Предоставим слово Марксу: „Если рассматривать машину исключительно как средство удешевления продукта, то граница ее применения определяется тем, что труд, которого стоит ее производство, должен быть меньше того труда, который замещается ее применением.

Однако для капитала эта граница очерчивается более узко. Так как он оплачивает не применяемый труд, а стоимость применяемой рабочей силы, то для него применение машины целесообразно лишь в

¹⁾ Критик упрекает меня в том, что „техническую эффективность механизации я свожу исключительно к замещению труда“. Я охотно принимаю этот упрек, т. к. Маркс эффективность механизации измерял этим же показателем. Но дело в том, что я говорил кроме того и об экономии на сырье, топливе и вспомогательных материалах. В этом также плюсы высокой механизации. Сюда же относится экономия на затратах постоянного характера

пределах разности между стоимостью машины и стоимостью „замещающей ею рабочей силы“.

Развивая это положение, Маркс приходит к выводам, что в силу неодинакового уровня заработной платы в разных странах, в силу неодинаковой нормы прибавочной стоимости, эта разница между ценой машины и ценой замещаемой ею рабочей силы может претерпевать большие колебания.

„Поэтому в Англии в настоящее время изобретаются машины, которые находят себе применение только в Сев. Америке, как Германия в XVI и XVII в. изобрела машины, которые применялись только в Голландии, и как некоторые французские изобретения XVIII в. были использованы только в Англии“.

„Сама машина в странах более старых по развитию своим применением в некоторых отраслях предприятий производит такой избыток труда в других отраслях, что в последних понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы препятствует применению машин и делает его излишним, часто прямо невозможным с точки зрения капитала, для которого барыш вытекает ведь из сокращения не применяемого труда вообще, а лишь оплачиваемого труда“ (I т. 298 стр.). Но последнее положение правильно, независимо от деления труда на оплачиваемую и неоплачиваемую часть.

Действительно, передаваемая продукту стоимость машины не может быть выше стоимости, которую создает замещающая рабочая сила. Но последняя стоимость равна нулю для безработного, повышаясь по мере роста уровня механизации.

К сожалению, для нашего „марксиста“, усвоившего только некоторые положения абстрактной экономики, в этой грешной эмпирике не существует абстрактного труда, труда вообще, а существует конкретный труд живых людей при том или др. уровне их технического вооружения. (А вооружение это далеко не одинаково).

В силу же географически неодинакового уровня механизации в различных странах существует различная производительность труда единицы живой силы. В свою очередь, различие в производительности труда американца, англичанина, немца и т. д. отражается на величине стоимости, создаваемой каждым из них.

Отсюда же различный уровень заработной платы в разных странах, т. к. *при прочих равных условиях* величина зарплаты стоит в определенной зависимости от величины стоимости, создаваемой рабочим. Если американский рабочий получает в 3—4 раза больше, чем европейский, то в основном лишь потому, что создаваемая им стоимость выше против стоимости, создаваемой европейским раб., в те же 3—4 раза, а возможно и больше. С другой же стороны, несмотря на неизмеримо лучшую организацию пролетариата Англии и Германии, рабочие этих стран получают меньше американских „индивидуализированных“ пролетариев.

Но отсюда, как раз, и вытекает, что машина, выгодная в одной стране или в одно время, может быть невыгодна в другой стране или в другое время.

Когда говорят, что в САСШ высокая механизация *потому*, что там дорогой труд, а в Европе менее высокая механизация *потому*, что там дешевле труд, то в этой теоретически неправильной формулировке есть зерно истины: это значит, что машина, выгодная при одном уровне механизации общественного труда, невыгодна при другом более низком уровне механизации этого труда¹⁾.

¹⁾ По существу более дорогой повременно американский труд является более дешевым, т. к. он более производителен, чем труд европейского „дешевого“ рабочего.

Это положение правильно, как для капитализма, так и для коммунистического хоз ва, хотя „граница применения машины“ в первом случае уже, а во втором шире, т. к. в первом случае принимается во внимание лишь оплачиваемая часть рабочей силы, а во втором — вся замещаемая рабочая сила. Поэтому машина, приводимая Марксом на стр. 297 „Капитала“, будет невыгодна при капитализме и может быть выгодной у нас.

Но если дорогие американские машины могут быть невыгодны в Европе, с ее более дешевой рабочей силой (имеем ввиду повременную зарплату) то не менее правильно, что более дешевые европейские машины могут быть невыгодны в САСШ потому, что они требуют больше рабочих с высокой повременной заработной платой.

С другой стороны, уровень механизации, выгодный в какой-либо стране в 1930 г., был-бы невыгодным в 1900 г., как и обратно: уровень выгодный в 1900 г. невыгоден в 1930 г. Но по степени механизации отдельные страны стоят друг к другу в таком же отношении, как различные этапы развития одной страны (в силу закона неравномерного развития капитализма).

Отсюда я и делаю выводы, что повышение *органического капитала за известные пределы, строго индивидуализированные для каждой страны, может не только не ускорить темпы ее развития, а замедлить их. Поэтому отсталая страна сможет получить больше экономического эффекта далеко не при самом высоком уровне механизации передовых стран.*

Я не говорю о *социальной стороне* вопроса. Между тем, отсталые страны наиболее богаты безработными или массами населения с низким уровнем бытия.

Впрочем, игнорируя социальную сторону капиталовложений, можно представить теоретическую возможность такой высокой механизации отсталой страны, когда подавляющая масса населения останется без средств труда или с топором и лопатой, а новое оборудование будет испытывать недостаток в квалифицированной рабочей силе.

Социальное оправдание такой механизации в интенсивном росте общественного накопления, создающего базу для последующего вовлечения в производство более широких масс населения. (Последнее будет иметь место лишь при вышеуказанных условиях):

Как звучат вышеприведенные формулировки в терминах менового хозяйства? Капиталист повышает уровень механизации не из любви к прогрессу, а потому что этим повышается масса присваиваемой им прибавочной стоимости: это повышение всякий раз сказывается на росте *массы* прибыли, а потому и на росте *нормы* прибыли.

В основном, по Марксу, этот рост добавочной прибыли происходит за счет *относительной*, а не абсолютной прибавочной стоимости. А наш критик говорит: „т. Акуленко ставит условием перехода на высшую структуру капитала рост не только нормы, но и массы прибавочной стоимости. И, таким образом, *никакой технический прогресс невозможен*. Впрочем, он возможен — при условии невероятного чудовищного роста эксплуатации“ (63 — 64 стр.).

В той мере, в какой повышается общий уровень механизации, а следовательно, и зарплата, создаются предпосылки для дальнейшего роста уровня механизации; при чем стимулом остается повышение *массы* на данную сумму *С*. По мере достижения нового уровня общественной механизации создаются новые предпосылки еще более повышенной механизации и т. д., и т. д. Регулятором этого процесса является процент. Если отвлечься от исторической формы этого процесса,

то логическая сущность его состоит в том, что человек, как хозяйствующий субъект, всякий раз стремится достигать максимума экономического эффекта с минимальными затратами живого и мертвого труда, т. е. капитала.

Критерии механизации я в достаточной мере четко формулировал в № 3 „Х-во Украины“ (стр. 56—57) и в № 4 „Планового Х-ва“ (стр. 52-54).

Перейдем к практическим выводам.

Я писал, что мы, имея фонд накопления для 1927—28 г., примерно, в 3,2 млрд. дов. рубл. против 1,3 млрд. руб. САСШ вряд-ли можем по чисто *арифметическим* причинам угнаться за последним криком американской механизации. Я писал, что экономически это будет даже вредно, так как мы имеем массу живого труда в 140 мил. челов., а САСШ в 100 мил. челов. Я писал, что нам лучше может быть в общем и среднем ориентироваться на германские нормы, так как Германия является классическим примером страны, наиболее экономно использующей свои материальные ресурсы.

Но не являются ли мои выводы реакционным измышлением мелко-буржуазного идеолога, желяющего, по мысли Ф. Винника, задержать темпы нашего развития?

Я должен сказать, что даже если бы я и задавался теми целями, которые мне приписываются моим критиком, даже в этом случае *объективные* обстоятельства таковы, что мы будем развиваться при сниженной механизации в несколько раз быстрее САСШ с их высокой механизацией.

Когда я говорю об объективных предпосылках такого усиления темпов, то я вовсе не имею в виду те преимущества, которые вытекают из самой природы нашего социалистического хоз-ва сравнительно с природой капиталистического хоз-ва ¹⁾. Мы имели бы более ускоренные темпы, чем САСШ, даже оставаясь капиталистической страной, так как *вообще всякая страна более поздней индустриализации развивается более быстрым темпом, чем страны ранней индустриализации*; объясняется это тем, что страна поздней индустриализации начинает свое развитие на более *повышенном уровне технической культуры*, чем страна ранней индустриализации.

По массе народного дохода мы стоим сейчас, примерно, на том уровне, на котором стояли САСШ 40—45 лет назад. (На душу населения мы стоим еще дальше).

Значит-ли это, что мы можем достигнуть существующий уровень народного дохода САСШ через те-же 40—45 лет или нам для этого нужно, примерно, пятнадцать лет, не больше?

Если-бы мы решили в своем развитии точь в точь копировать хозяйственное развития САСШ в смысле развития *уровня механизации*, т. е. в смысле роста машиновооруженности живого труда, т. е. если-бы начали с американских норм 1880 г., затем перешли к нормам 1890 г.—1900—1910 и т. д., то даже в этом случае мы прошли бы сорокалетний период развития САСШ максимум в 15—20 лет, т. к. в силу технического прогресса машина, стоявшая в 1880 г. 1000 рубл., теперь стоит значительно ниже (изменение стоимости денег вносит лишь номинальный корректив); поэтому на свою массу накопления мы смогли бы в 1928 г. купить значительно *больше* машин, чем купили на ту же массу стоимо-

¹⁾ Наши преимущества в деле ускорения темпов нашего развития схематично даны мною в моей статье: „Направление, темп, равновесие“ (стр. 63 № 4 „Планов. Х-во“). Детальная же трактовка этих положений будет дана нами в статье: „Производительность общественного труда“.

сти САСШ в 1880 г. Поэтому уровень механизации САСШ в 1890 г. мы достигли бы не через 10 лет, а может быть через пять; уровень механизации 1900 г.—не через 20 лет, а через 10 лет и т. д.

Но дело в том, что, располагая ресурсами, которыми САСШ располагали еще в 1880 г., мы вовсе не обязаны идти в развитии механизации тем путем, которым шли САСШ. На эти деньги в 1929 г. мы можем купить, напр., такое-же число машин, как американцы в 1880 г., но машин *повышенного типа*. Правда, это будет уровень механизации, имеющий место в САСШ уже сейчас, но для того чтобы нагнать и перегнать СШ этого и не нужно. Больше того, погоня за такой повышенной механизацией в данный момент для нас есть прямой народно-хозяйственный вред. Но если так стоит вопрос о *уровне механизации*, то не может быть сомнений в том, что нам нужно брать *последнее слово техники*.

В условиях относительной недостаточности капиталов нам нужно научиться применять их наиболее совершенным образом. Исключительное значение в этом отношении должна иметь работа наших исследовательских организаций и проч. Нам нужно не только усвоить уровень технического развития Запада, но и перегнать этот уровень, делая иногда ставку на целые „технические революции“. И в этом отношении Германия во многом пример для нас. Бедная против Америки капиталами Германия сумела так рационализировать свою промышленность, что в техническом отношении далеко обогнала в ряде отраслей своего кредитора (пример более дешевых, но более производительных домовых печей). Отсюда исключительное значение *рационализаторских и реконструктивных работ у нас*. Что такое по существу рационализация? „Моральное“ возрождение физически старого капитала, т. е. повышение его технической эффективности ценою относительно небольших дополнительных затрат. Именно поэтому я специально оговорился, что эффективность реконструктивных капиталовложений не поддается действию закона падения $P:C$ по мере роста $C:V$ (стр. 50 „Х-ва Украины“).

Нужно сказать, что в этом отношении мы имеем все преимущества перед странами старой индустриализации, так как в последних технически старый основной капитал может даже *задерживать* введение нового более производительного оборудования. Конечно, если в отдельных отраслях технически новая конструкция логически связывается с повышенной механизацией труда, то вопрос разрешается сразу положительно. Вопрос же уровня механизации в каждом отдельном случае должен разрешаться путем чисто бухгалтерского подсчета. Это вопрос калькуляции. Моя формулировка означает по существу другую редакцию того положения, что нужно получать максимум эффекта при минимуме затрат. Это же положение правильно при всех общественных системах. Так, „капиталу присуща двоякая тенденция: с одной стороны тенденция при непосредственном применении живого труда сводить его к труду необходимому...; с другой стороны, присуща тенденция — этот сведенный к необходимым размерам труд применять при возможно более экономных условиях, т. е. сводить стоимость применяемого к делу постоянного капитала к возможному минимуму“.

В капиталистическом обществе регулятором уровня механизации является *процент*, который кстати сказать, регулирует и междотраслевое распределение капитала. Лишенные регуляторов стихийного хозяйства, развиваясь часто сознательно не по законам рентабельности, мы должны заменить их плановым расчетом.

Если мне докажут в проектах, что принятые нами в пятилетке весьма и весьма ориентировочные конструкции действительно являются

в наших условиях наиболее экономически выгодными с точки зрения количественного и качественного оптимума, то я снимаю всякие сомнения. Но жизнь, однако, говорит, что как раз с *проектировками у нас дело обстоит далеко не важно*. Вот почему в своей статье я вторично подчеркиваю исключительную важность этого вопроса. Эти же выводы мы встречаем и на страницах достаточно авторитетного экономического органа.

1) Передовая „Экономической Жизни“ от 25-V—29 г, говорит: „пятилетний план, несмотря на намечаемые им грандиозные количественные и качественные сдвиги, имеет еще значительные невоплощенные резервы. Достаточно указать, что вся *строительная програма* пятилетнего плана как в области промышленности, так области сельского хозяйства, да и в других областях, с *точки зрения технико-экономических проектировок разработана только в общих чертах, эскизно*. Отсюда повелительно вытекает задача приложить все усилия, чтобы при разработке технико-экономических проектировок для разных объемов строительства и реконструкции были *учтены социально-экономические особенности нашего строя и все достижения техники и науки*“.

Дальше приводится пример Югостали, где РКИ при помощи иностранных специалистов — консультантов внесла в первоначальные проекты ряд коррективов давших экономии не менее 100 мил. рублей.

Отсюда делается вывод: „*исправления в проектировках, следовательно, могут значительно повысить эффект при одной и той же сумме капиталовложений*“. Я предлагал „ревизию“ проектировок капитального строительства в таком же направлении, как и „Эконом. Жизнь“.

Я должен только отметить одну важную деталь: проблема определения оптимального для нас уровня механизации, стоит лишь в плоскости замены машиной живой человеческой силы, но не в плоскости замены машиной тягловой силы (рогатый скот и лошади). Поэтому, например, тракторизация сельского хозяйства в такой же мере экономически выгодна у нас, как в САСШ или З. Европе. Это вполне понятно: если производительность труда и зарплата одной человеческой силы различны в САСШ и Европе, то производительность лошади или вола, а также стоимость их эксплуатации будут одинаковы и для САСШ и для Европы.

Наш критик может возразить: т. Акуленко оспаривает целесообразность высокой механизации в промышленности, одобряя ее для сельского хозяйства. Что и говорить: явный уклон.—Беда лишь в том, что в этом вопросе, как и других, я стою исключительно на позициях Маркса.

Так, Маркс говорил, что в противоположность механизации за счет живой человеческой силы: „составная часть стоимости, присоединяемая машиной, понижается *абсолютно и относительно* в тех случаях, когда машина вытесняет лошадей, вообще рабочий скот, который употребляется исключительно как двигательная сила, а не как машина для обмена веществ“. (Капитал 1, 296 стор., 1929).

Уровень экономической грамотности моего критика не позволяет ему понять, почему машина, выгодная на *одном уровне* механизации общественного труда, будет невыгодна *при другом его уровне*. И наш критик, призывая на помощь анекдотических индейцев, говорит, что у т. А. капиталы высокого органического состава иногда дают большую, иногда меньшую массу прибавочной стоимости „от т. Акуленко зависит“... „Квалифицировать *такие* теоретические построения мы воздерживаемся; они говорят сами за себя“. (53 стр.).

Нет, любезный критик, если Вы раньше не сумели „воздержаться“ от писания Вашей статьи, то теперь Ваше „воздержание“ Вам не поможет скрыть Вашей безграмотности.

Объективный читатель ставит вопрос: чем объясняется появление на страницах достаточно авторитетного журнала статьи моего критика?

Очевидно, двумя причинами: одна лежит на стороне автора, а другая на стороне редакции. Оппонент усвоил только некоторые абстрактные формулировки марксизма, не усвоив марксистского метода исследования и не научившись применять абстрактные формулировки к осложненной эмпирической экономике. Мои выводы переворачивают вверх ногами не марксизм, а те элементарные представления о марксизме, которые успел усвоить мой критик. Но наш „ортодоксальный“ марксист, судя по его стилю (а „стиль—человек“—Бюффон), олицетворяет собою, в своем представлении, конечно, как бы все основы марксизма и ленинизма. Поэтому всякий расходящийся во взглядах с моим критиком просто в силу *иного уровня экономической грамотности* рискует попасть в идеологи мелкой буржуазии, в извратителя основ марксизма и т. д. Вся, я бы сказал, трагедия моего оппонента в том, что его эрудиция находится в роковом противоречии с его самомнением.

Касаясь полемической частности моего критика, я должен еще раз подчеркнуть, что критик, имеющий целевое задание „посрамить“ идеолога мелкой буржуазии и нажить тем самым политический капитал—проявил определенное искусство в замалчивании ряда доказательств противника, в передергивании цитат и т. д. Вообще же метод полемики моего критика есть метод начетчика: для него важен не дух и основная мысль, а слово и буква. Особенно пострадал в этом смысле Маркс, из которого вне всякой связи с контекстом выдергивались отдельные „цитаты“. Я принужден быть определенно резким со своим критиком, потому что его статья написана в чрезвычайно наездническом стиле с рядом крикливых выпадов и т. д.

Но есть и второго рода причины появления статьи—на стороне редакции. Эти причины для меня непонятны и в открытом письме редакции я прошу объяснить их.
